

БИБЛИОТЕКА ВУНДЕРКИНДА • НАУЧНЫЕ СКАЗКИ

ДЛЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ ХОТЯТ ОБЪЯСНЯТЬ ДЕТАМ

Научные сказки

Сергей Нечаев

Мировая история на пальцах

«АСТ»

2017

УДК 94(97)
ББК 63.3(0)8

Нечаев С. Ю.

Мировая история на пальцах / С. Ю. Нечаев — «АСТ»,
2017 — (Научные сказки)

ISBN 978-5-17-101815-3

Историки – это люди, которые рассказывают нам о событиях, прошедших в далеком, а порой и очень даже далеком прошлом. Но откуда они знают, что тогда происходило? Спросишь у них об этом, и они начнут с гордостью вещать о том, как они месяцами рылись в архивах, как они «перелопатили» тонны всевозможных первоисточников и т. д. и т. п. А что такое эти их первоисточники? Это всего лишь рассказы об этих событиях других людей. На основании одних и тех же «свидетельств очевидцев» они могут сложить совершенно разные картины. И складывают, а как же без этого. Мы любим сказки о храбрых героях и прекрасных царевнах – так почему же нам так не нравится наша собственная история, полная загадок и интриг? Здесь действуют реальные люди, и добро побеждает далеко не всегда. Зато какие персонажи! Какие личности!

УДК 94(97)
ББК 63.3(0)8

ISBN 978-5-17-101815-3

© Нечаев С. Ю., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

От автора	6
Глава 1	10
Глава 2	11
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Нечаев

Мировая история на пальцах

© Нечаев Сергей, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

От автора

Историки – это люди, которые рассказывают нам о событиях, прошедших в далеком, а порой и очень даже далеком прошлом.

Но откуда они знают, что тогда происходило?

Спросишь у них об этом, и они начнут с гордостью вещать о том, как они месяцами рылись в архивах, как они «перелопатили» тонны всевозможных первоисточников и т. д. и т. п.

А что такое эти их первоисточники?

Это всего лишь рассказы об этих событиях других людей. И не надо давать себя обмануть: любой исторический первоисточник – это всего лишь субъективное мнение какого-то очевидца тех или иных событий или того, кто себя к таковым причисляет.

Приведу простой пример. В Москве ежедневно находятся порядка 15 миллионов человек, и практически все они знают, какой была в городе погода, например, вчера. Но спросите их об этом, и вы получите массу различных ответов, в том числе и совершенно противоположных. Приезжий с юга скажет, что было очень холодно, приезжий с севера скажет, что стояла жара, а кто-то вообще все перепутает с погодой, которая была позавчера...

Хорошо ученым-метеорологам. У них есть специальные приборы, которые позволяют измерить температуру воздуха, влажность, атмосферное давление, скорость и направление ветра. Они и измеряют. И показания того же термометра вполне объективны. И делаются измерения много лет, и все аккуратно записывается. Это дает ученым возможность выявлять какие-то закономерности и делать прогнозы. Потому метеорология – это наука, то есть это область человеческой деятельности, направленная на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности.

У историков, к сожалению, ничего этого нет. И они делают свои умозаключения на основании чьих-то субъективных показаний, которые они важно называют первоисточниками. Это старинные летописи, хроники, рапорты, отчеты, письма, воспоминания и тому подобное. Но что есть все это перечисленное? По сути, это чьи-то рассказы, зафиксированные на бумаге или на каком-то ином носителе. Измерить что-то историк не может, у него просто нет для этого соответствующего инструментария.

Еще один простой пример. Перед художником лежит гора разноцветных камушков, и он из них складывает мозаику. Отлично. А если взять десять художников, посадить их в разные комнаты и положить перед ними абсолютно одинаковые горы камушков? Они сложат десять совершенно разных мозаик! У кого-то получится сероватых тонов грустный пейзаж, у кого-то – красно-желтый портрет, у кого-то – яркий букет цветов... Это нормально. Но пользовались-то они одинаковым исходным материалом!!! Просто они его по-разному отобрали и по-разному расположили.

Так и историки. На основании одних и тех же «свидетельств очевидцев» они могут сложить совершенно разные картины. И складывают, а как же без этого.

И что за знания о действительности мы от них получаем?

У всех народов историю заменяет басня, пока философия не просвещает людей; и когда, наконец, она является среди этого мрака, она находит умы, столь ослепленные вековыми заблуждениями, что ей с трудом удается вразумить их; она находит церемонии, явления, памятники, воздвигнутые для того, чтобы – подтвердить ложь.

Вольтер французский просветитель

Оставим в стороне рассуждения о возможной предвзятости этих людей (очевидцев и историков). Не субъективных мнений не бывает вообще, и все люди судят о пороках и добродетелях лишь на основании того, что им нравится – не нравится. Или на основании того, что для них выгодно. В любом случае, мнение очевидцев событий всегда интереснее мнения людей, которые исходят лишь из общих соображений или из обрывков случайно найденных чужих суждений.

Но мнения очевидцев одних и тех же событий очень отличаются друг от друга. И дело тут даже не в тенденциозности, а в том, что каждый судит в меру того, что он реально видел, что из этого запомнил и как увиденное понял. Вот и получается, что в истории властвует не факт, а интерпретатор факта. То есть тот, кто об этом факте рассказал. И, кстати, чем авторитетнее интерпретатор, тем порой даже хуже. Типичный пример: написал в свое время Пушкин о том, что Сальери из зависти отравил Моцарта – вот так до сих пор все и думают. Типа бездарный композиторишка коварно устранил своего гениального конкурента. И никому, по большому счету, нет никакого дела до того, что Сальери тоже был прекрасным композитором, и в те времена он был гораздо популярнее Моцарта, и завидовать ему у него не было никаких причин, и что вообще Сальери был добрейшей души человек...

В данном случае, авторская выдумка Пушкина превратилась в «исторический факт». А что? Пушкин же – наше все! Он врать не будет!!!

Очень даже будет. И точно так же вольно или невольно «врут» и профессиональные историки. Кто-то делает это умышленно, подгоняя найденные «факты» под свои теории или под поставленную сверху задачу. Кто-то заблуждается совершенно искренне. Кто-то просто обожает взвозможные провокации.

Не даром же английский поэт и культуролог Мэтью Арнолд в свое время написал, что «на бескрайних просторах океана клеветы, зовущегося «историей», одна волна, даже большая, особого значения не имеет». Просто все склонны верить авторитетам, доверять тому, что написано в учебниках и энциклопедиях. В конце концов, в школе всех приучили отвечать именно так, как надо, как хочет услышать учитель.

А все почему?

Во-первых. Всем нужна хорошая оценка.

Во-вторых, не у всех есть время и желание разыскивать какие-то другие, альтернативные точки зрения на те или иные исторические события. В конце концов, не все же в школе мечтают стать историками.

Вот и получается, что все мы еще со школьной скамьи напичканы тем, что британский писатель и историк Томас Карлейль называл «квинтэссенцией сплетни». Да, да! Это он так отзывался об истории. А великий Бальзак вообще говорил, что «хорошо написанные исторические романы стоят больше курсов истории». Вот и изучают очень многие историю по романам того же Бальзака, Дюма, Толстого, Пикуля и множества гораздо менее талантливых авторов.

Истории трудно доверять. Ее или плохо пишут, или недобросовестно переписывают, а то и перевирают или приукрашивают люди с богатым воображением. Правду так тяжело удержать, а мифы и выдумки так легко смешиваются с реальностью, что выглядят, в конце концов, куда более логичными, чем реальность.

Клиффорд Саймак американский писатель-фантаст

В этой книге я не стану пересказывать то, что написано в учебниках. Я всего лишь попробую заинтересовать читателя какими-то интересными, на мой взгляд, рассказами о том, что происходило в разных странах в разные исторические эпохи. То есть это будут исто-

рии о всемирной истории. Ну и, конечно, я постараюсь дать все это в строгом хронологическом порядке.

Почему? Да потому, что история – это не что-то застывшее, не единовременное событие, а процесс, путь, пройденный человечеством. Это сведения (то есть знания) об этом пути.

Казалось бы, для чего нужна история? Ведь все те события, о которых она рассказывает, уже давно прошли. Так зачем нужно читать про то, что нас не касается?

Еще как касается! Ведь в истории все постоянно повторяется, история – это опыт, возможность изучить чужие ошибки, чтобы никогда не наступать на те же грабли.

Ясно, что знания – это понятие относительное. Но я и не претендую на то, что знаю о всемирной истории все. Просто я прочитал много всего, в том числе и на разных иностранных языках. Я – как тот художник, перед которым лежит большая гора разноцветных камушков. И я попытаюсь сложить для вас свою мозаику. Надеюсь, что это получится интересно. Ведь все в этой жизни начинается именно с интереса. И вдруг кого-то прочитанное заинтересует до такой степени, что он захочет прочитать на эту тему что-то еще. То есть познакомиться с составленной кем-то другим мозаикой. А потом сопоставить их. Потом найти третью, четвертую...

Собственно, я и сам так когда-то начинал.

* * *

Итак, история – это путь, пройденный человечеством. Путь этот был очень долгий и сложен, и он пролегал в определенном пространстве, а также занял определенное время. Соответственно, специальная историческая дисциплина, помогающая устанавливать даты тех или иных исторических событий, называется исторической хронологией (от греч. *chronos* – время и *logos* – учение).

Без хронологии в истории никак, однако определить время (дату) порой бывает очень и очень трудно. Вот, например, какова продолжительность существования самого человечества? Ответить на этот вопрос наука получила возможность лишь в XX столетии. Вроде бы, считается, что наша планета образовалась из громадного газопылевого космического облака примерно 4,5 миллиарда лет назад. Тогда атмосфера Земли состояла из водяных паров, аммиака, метана и водорода, и в тот период на Земле жизни не существовало. Ученые предполагают (точно этого не может знать никто), что первые признаки жизни на остывшей Земле появились примерно 3 миллиарда лет назад. А вот первые животные появились между 1200 и 600 миллионов лет назад (они состояли только из одной клетки, и их поэтому называли простейшими или протозоями).

Впервые животные начали выходить на сушу примерно 430 миллионов лет назад. Но до появления человека было еще далеко.

Считается, что в истории человечества имеется два периода – первобытный и период существования сложно организованных классовых обществ. Первый длился много сотен тысяч лет, второй – совсем недолго.

В первобытное время человек стал человеком в полном смысле этого слова.

Вот говорят, что человек появился от обезьяны, но это не те современные человекообразные обезьяны (шимпанзе, гориллы и орангутанги), которых мы можем увидеть в зоопарке. У человекообразных обезьян и человека существуют общие предки – это дриопитеки, которые обитали 9–12 миллионов лет назад в Африке. Название «дриопитеки» произошло от того, что они жили на деревьях и питались в основном фруктами.

Все люди произошли от обезьян – только одни раньше, а другие позже.

Неизвестный автор

Постепенно условия жизни на Земле стали меняться, в результате чего более сухой климат отодвинул леса, на смену коим пришли африканские степи и саванны. И одни из дриопитеков остались жить в саваннах, из-за чего около 4 миллионов лет назад появился новый вид животных – австралопитеки.

Впоследствии этот вид вымер, но именно от него около 2 миллионов лет назад появился самый первый человек – человек умелый (*homo habilis*).

На смену этому виду приблизительно 1,5 миллиона лет назад пришел человек прямоходящий или человек выпрямленный (*homo erectus*). Он был значительно крупнее человека умелого. Он изготавливал и, соответственно, использовал более совершенные орудия труда. По мнению ученых, именно у человека прямоходящего начала появляться членораздельная речь. Эти люди широко распространились: покинули Африку, переселились в Европу и Азию. Именно они дали начало третьему виду людей – человеку разумному (*homo sapiens*).

Человек разумный появился около 200 тысяч лет назад, а вот люди, внешним видом напоминающие со временных людей, появились около 40 тысяч лет назад.

Для удобства описания историю человечества принято разделять на следующие этапы:

- Первобытная (доисторическая) эпоха
- Древний мир
- Средневековье
- Новое время
- Новейшее время

Глава 1

Первобытная эпоха

Первый этап в истории человечества занимает огромный период времени – с момента выделения человека из животного царства до образования классовых обществ.

По материалам, из которых люди изготавливали тогда орудия, ученые условно делят историю человечества на три «века»:

- каменный век (от возникновения человека до конца 4-го тысячелетия до н. э.),
- бронзовый век (с конца 4-го до начала 1-го тысячелетия до н. э.),
- железный век (с 1-го тысячелетия до н. э.).

Понятно, что самым долгим был каменный век – он начался около 2,5 миллионов лет назад. Бронзовый век длился более 2,5 тысяч лет, а потом наступил железный век, в котором живем и мы.

Понятно также, что эти века, особенно бронзовый и железный, наступили в разных частях Земли не одновременно – где-то раньше, где-то позже.

Каменный век кончился не потому, что кончились камни.

Ахмед Заки Ямани саудовский политик

Все. На этом закончим с первобытной эпохой, хотя и о ней можно написать не одну книгу. И они написаны, и любой интересующийся может с ними познакомиться.

Отметим лишь, что люди, жившие 30–40 тысяч лет назад, уже не имели черт, придававших их предшественникам несколько звероподобный облик: их руки стали менее мощными, лоб – более высоким, у них появился подбородочный выступ. А еще появление человека современного типа совпало с началом последнего периода древнего каменного века, и в эту эпоху люди заселили все континенты, кроме, разумеется, Антарктиды.

Первобытный человек был беспомощен перед силами природы, современный человек беспомощен перед общественными и экономическими силами, которые он сам и породил.

Эрих Зелигманн Фромм немецкий философ и психоаналитик

Глава 2

Древний мир

С конца 4-го тысячелетия до н. э. в истории человечества начался новый этап – появились первые цивилизации, резко отличавшиеся от первобытных обществ. Важнейшей характерной чертой новой ступени развития стало создание государств, которые в 4-м–2-м тысячелетиях до н. э. возникли на обширной территории от Средиземного моря до Тихого океана.

История этих государств с конца 4-го тысячелетия до н. э. приблизительно до середины 1-го тысячелетия н. э. называется историей Древнего мира, и она условно делится на три этапа:

- конец 4-го тысячелетия до н. э. – конец 2-го тысячелетия до н. э. (эпоха ранней Древности);
- конец 2-го тысячелетия до н. э. – конец 1-го тысячелетия до н. э. (эпоха расцвета древних государств);
- первая половина 1-го тысячелетия н. э. (эпоха поздней Древности).

Соответственно, в истории древних государств выделяются два основных варианта развития – древневосточный и античный (Греция, Рим), каждый из которых имеет свою специфику.

КСТАТИ

Вот мы говорим – до нашей эры. А что это такое – наша эра? Это период времени, начиная с первого года по юлианскому и григорианскому календарям, то есть это текущая эпоха. Соответственно, период времени, который был до начала первого года, это и есть «до нашей эры» (до н. э.). А раньше, в религиозной форме, говорилось «от Рождества Христова» или «до Рождества Христова».

Отметим, что Библейское описание рождения Иисуса Христа не содержит указания на дату этого события. И попытки установить год рождения Христа по датам каких-то сопутствующих событий не привели к конкретной дате. Поэтому все это достаточно условно. Например, одни считают, что исторический Иисус родился где-то между 7 и 5 годами до н. э., а другие называют 12 год до н. э. (момент прохождения кометы Галлея, которая могла быть Вифлеемской звездой).

И вот что еще интересно: в этом летоисчислении нет нулевого года, а это значит, что сразу после первого года до н. э. следовал первый год н. э. Поэтому, например, правление известного римского императора Октавиана Августа было между 31 годом до н. э. и 14 годом н. э., но получается, что он правил не 45 лет, а только 44 года.

* * *

К древневосточным государствам относятся Египет, Ассирия, Вавилон, Месопотамия, Персия, Индия и Китай, и каждое из них настолько интересно, что достойно отдельной книги. Общим для них было то, что все государства Древнего Востока возникли на тех территориях, которые представляли собой долины великих рек: Нила, Тигра и Ефрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы.

И, конечно же, эти государства воевали друг с другом. Почему? Да потому, что как только появились государства, они тут же начали проводить свою политику, а политика, как говорил Отто фон Бисмарк, это «искусство приспособляться к обстоятельствам и извлекать пользу из всего, даже из того, что претит». Ну, а война – это, как известно, продолжение той же политики, только другими средствами.

Типичный пример: могучий Вавилон существовал до 12 октября 539 года до н. э. Эта дата известна, ибо именно в тот день его заняли персидские войска, и наступил конец истории Древней Месопотамии как политически самостоятельной территории.

У меня чувство, что мир доживает последние дни. Повсюду царит взяточничество и коррупция.

Надпись на глиняной табличке, найденной в Месопотамии (2800 лет до н. э.)

Завоевал Вавилон Кир II, прозванный Великим. Его победы разрушали одно за другим царства Западной Азии, и правил этот основатель державы Ахеменидов в 559–530 годах до н. э. Он был персом, и он создал царство, совершенно не похожее ни на египетское, ни на ассирийско-вавилонское.

Древнегреческий историк Геродот говорил о персах так: «Главная доблесть персов – мужество, а после военной доблести наибольшей заслугой у них считается иметь как можно больше сыновей».

«Живые щиты» солдат царя Камбиза

Кир Великий был сыном Камбиза I, а сыном Кира Великого был Камбиз II, и ему тоже пришлось следовать по пути завоеваний, а его главным подвигом стало покорение Египта, которого Кир Великий весьма благоразумно избегал. И потерпели поражение египтяне, как ни удивительно, из-за своего преклонения перед кошками и котами. Войска персидского царя Камбиза II и войска фараона Псамметиха III встретились в 525 году до н. э. у пограничного города Пелузия. Но персы не умели штурмовать укрепленные города и были вынуждены остановиться у стен Пелузия, с древнейших времен защищавшего подступы к Египту и называвшегося «ключом Египта и для выхода и для входа». Однако персидский царь прекрасно знал о господствовавшем у противника культе котов и кошек, которых в Египте почитали божествами.

Вот ведь странные были люди! Впрочем, и сейчас можно найти таких, кто просто молится на своих домашних пушистиков. Наверняка, у любого среди родственников или соседей имеется такая вот дамочка, которую совершенно не напрягает тот факт, что, с точки зрения кошки, самое уютное место в доме – это место, на котором в данный момент сидит хозяин. И попробуй что-нибудь сказать про их обнаглевшего любимца...

А вот у древних египтян за причинение вреда котам и кошкам вообще полагалась смертная казнь, и повелел царь Камбиз II каждому идущему впереди солдату нести кота или кошку, так чтобы они были хорошо видны. Когда армия персов двинулась вперед, защищенная такими «живыми щитами», фараон Псамметих III не осмелился приказывать открыть стрельбу, и египтяне, не имея возможности использовать свои меткие копья и стрелы, вынуждены были сдаться без боя.

Согласимся, не зря персы говорили, что надо изготовить состав из свойств лисицы и тигра, чтобы получить настоящий персидский характер.

Впрочем, коварный Камбиз вскоре поплатился за свое вероломство. Весной 522 года до н. э. в Египет из Азии стали доходить тревожные слухи о появлении на персидском престоле некоего самозванца. Камбиз спешно двинулся в Персию для подавления восстания, но по пути он погиб при весьма загадочных и подозрительных обстоятельствах.

Во всяком случае, Геродот утверждает, что Камбиз «умер, умертвив себя». Сам себя?

С чего бы это вдруг?

Он якобы в ярости вскочил на коня, но при этом «отпал наконечник ножен его меча, и обнаженный меч рассек ему бедро», а через двадцать дней Камбиз умер.

Не буду утруждать неокрепшие детские умы разными сложными терминами, типа «крито-микенский период» или «эпоха эллинизма», а расскажу лучше про Троянскую войну, которая, по мнению древних греков, была одним из самых значительных событий в их истории. Античные историки считали, что она произошла примерно на рубеже XIII–XII веков до н. э.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Троя (или Илион) – это древний город, располагавшийся в северо-западной части полуострова Малая Азия (это часть территории современной Турции). Троя находилась на полуострове Троада у побережья Эгейского моря, недалеко от входа в пролив, который сейчас именуется Дарданеллами. Впрочем, тут есть разные версии. Одни считают, что термины «Троя» и «Илион» могли обозначать различные города одного и того же древнего государства. Другие уверены, что один из этих терминов мог обозначать столицу, а другой – собственно государство, и «слились» они в один термин лишь в «Илиаде». Кто-то, например, утверждает, что Троя – это обозначение страны (а вовсе не города), а вот Илион – города. В конце XIX века раскопки в предполагаемом районе Трои проводил немецкий предприниматель и археолог-самоучка Генрих Шлиман. Большинство находок Шлимана сейчас хранятся в Пушкинском музее в Москве, а также в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге.

Смертельный бой у стен Трои

О походе греков-ахейцев против города Трои рассказывали многочисленные греческие сказания. Самой же авторитетной для эллинов (то есть для древних греков) была эпическая поэма «Илиада», приписываемая великому греческому поэту Гомеру, жившему в VIII веке до н. э. В ней рассказывается об одном из эпизодов заключительного, десятого года осады Трои.

И вот как повествует «Илиада» о поединке Ахилла (храбрейшего из героев, предпринявших под предводительством Агамемнона поход против Трои) с Гектором (храбрейшим вождем троянского войска, сыном царя Приама).

Ахилл поссорился с главным вождем греков Агамемноном и объявил, что он со своим войском больше не будет участвовать в войне. Предавшись гневу, он удалился в свой лагерь, и тогда троянцы начали одолевать греков. Они даже ворвались за стену, окружавшую греческий лагерь, и подожгли один корабль. А потом Патрокл, друг Ахилла, пал от руки Гектора, самого доблестного из троянцев.

Смерть друга возбудила в Ахилле жажду мести. Он помирился с Агамемноном и начал жестоко бить врагов (в «Илиаде» от руки Ахилла погибло 23 троянца). И тогда Гектор, убивший, согласно все той же «Илиаде», 28 греков, решил вступить с ним в поединок.

Супруга его Андромаха вышла навстречу мужу, когда тот шел из города на последний бой. За ней шла кормилица и несла на руках маленького сына Астианакса. Предчувствуя беду, Андромаха со слезами умоляла Гектора не выходить из Трои и защищаться в ее стенах, но герой посчитал постыдным уклоняться от опасности. Он нагнулся, чтобы поцеловать сына, но мальчик с криком прижался к кормилице: его испугала косматая грива, развевав-

шаяся на медном шлеме Гектора. Герой улыбнулся, снял свой блестящий шлем, взял сына на руки и поцеловал его. Потом он простился с женой. Он сказал ей, чтобы она шла домой и занималась пряжей.

А в это время Зевес, с высокого неба взиравший на битву, поднял весы и положил на них два жребия – один Гектора, другой Ахилла. Жребий Гектора опустился вниз, и тогда его покровитель, бог Аполлон, удалился от него, а богиня Афина начала помогать своему любимцу Ахиллу.

Ахилл первый бросил свое тяжелое копье. Гектор быстро припал на одно колено, и копье пролетело мимо. Богиня Афина подхватила его и снова подала Ахиллу. Гектор пустил свое копье и попал в середину щита Ахилла, но не пробил его (щит был выкован самим богом Гефестом)...

Прервусь на минуту и замечу: если боги создали людей, то они точно сделали это по своему подобию. Эти греческие боги имели те же недостатки, что и обычные смертные: они везде лезли, были завистливыми, тщеславными, хитрыми и даже коварными, постоянно ссорились друг с другом и делали людям разные пакости.

...Гектор с мечом бросился на противника, но тот опередил его и ударил копьем в горло – именно в то место, которое не было закрыто медным доспехом. Гектор упал. Умирая, он умолял Ахилла не предавать его тело поруганию. Но жестокий Ахилл снял с него доспехи, привязал труп за ноги к своей колеснице и погнал в греческий стан.

С высоты стен троянцы увидели гибель своего героя, и по всему городу понеслись крики ужаса. Когда настала ночь, старец Приам, последний правитель Трои, отправился в ставку Ахилла и упросил отдать ему тело любимого сына. Согласно некоторым авторам, тело Гектора было выкуплено за равный вес золота. Возвратившись, Приам сжег тело сына на костре, и все троянцы долго оплакивали его.

Вслед за этим «Илиада» прекращается. А окончание рассказов о Троянской войне мы узнаем уже из других поэм (преимущественно, из «Энеиды», которую написал римский поэт Вергилий). Только после десятилетней осады грекам удалось взять Трою хитростью. Произошло это примерно в 1260 году до н. э. Но это уже совсем другая история...

Поединок между Давидом и Голиафом

Во времена правления царя Саула у иудеев шла война с филистимлянами (так назывался древний народ, населявший, начиная с XII века до н. э., приморскую часть нынешнего Израиля). Когда войска встали друг против друга, из стана филистимлян выступил великан по имени Голиаф, и он крикнул иудеям:

– Зачем нам всем сражаться? Пусть кто-нибудь из вас выйдет против меня, и если он убьет меня, филистимляне будут вашими рабами, если же я одолею и убью его, то вы будете нашими рабами.

Легко ему было так говорить, ведь Голиаф был необычайно сильным воином огромного роста. Считается, что его рост составлял 2,77 м. Он был облачен в чешуйчатую броню массой под 60 кг. и медные наколенники, на голове у него был медный шлем, а в руках – медный щит. Из оружия Голиаф имел меч и тяжелое копье, один только наконечник которого был весом почти в 7 кг.

Сорок дней похвалялся этот великан своей мощью и смеялся над иудеями. Царь Саул обещал большую награду тому, кто победит Голиафа, но никто из его людей не решался выступить против такого гиганта.

В это время в иудейский лагерь пришел Давид, младший сын Иессея из Вифлеема. Он прибыл, чтобы навестить своих старших братьев и передать им еду от отца. Услышав слова Голиафа, Давид вызвался сразиться с этим великаном, и попросил царя, чтобы он разрешил ему.

Но Саул сказал:

– Ты еще молод, а он силен и с малолетства привык к войне.

На это Давид ответил:

– Когда я пас овец у своего отца, случалось, что приходил лев или медведь и уносил овцу из стада. Я догонял его и вырывал из пасти овцу, а если он бросался на меня, то я умерщвлял его. Если Господь прежде спасал меня от льва и медведя, то спасет и теперь от этого филистимлянина.

Саул лишь махнул рукой:

– Иди, и да будет Господь с тобою.

У Давида вообще не было доспехов, а единственным его оружием была праща, приспособленная для бросания камней. Саул велел одеть его в медную броню и дать в руки меч, но Давид был непривычен к ношению оружия, а посему отказался. Он лишь положил пять камней в свою пастушескую сумку и выступил против Голиафа.

Великан с презрением взглянул на Давида, потому что он был совсем еще мальчик, и с насмешкой сказал:

– Разве я собака, что ты с камнями идешь на меня? Давид ответил:

– Ты идешь против меня с мечом, копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Саваофа, бога солдат израильских, которых ты поносил. Господь поможет мне, и вся земля узнает, что не мечом и копьем спасает Господь.

Голиаф стал приближаться, и всем, кто наблюдал за происходящим, казалось, что результат поединка предрешен. Но не всегда исход боя определяет одна физическая сила (это, кстати, справедливо и в отношении тех, кого обижают в школе или во дворе). Давид отважно бросился навстречу врагу, вложил камень в пращу и пустил его в великана. Камень попал ему прямо в лоб. Голиаф упал на землю. Давид подбежал к Голиафу, вытащил у него меч и его же собственным оружием отсек ему голову.

Увидев это, филистимляне, объятые ужасом, бросились бежать, а иудеи гнали их до самых городов и многих убили.

Царь Саул сделал Давида военачальником, а потом выдал за него замуж свою младшую дочь Мелхолу.

А через какое-то время Саул стал завидовать славе Давида и задумал его убить. Давид бежал в пустыню и скрывался от Саула до самой его смерти.

Саул умер примерно в 1005 году до н. э. После этого старейшины Израиля избрали Давида царем. Он захватил Иерусалим и перенес туда столицу своего государства. У Давида родилось много детей, среди которых был и легендарный Соломон, будущий третий иудейский царь.

Этрурия и этруски

Уже на протяжении многих лет, даже столетий, со страниц научных трудов не сходит определение «загадочные этруски». Но самым удивительным является то, что, в отличие от других народов Древнего мира, этруски никогда не погружались в так называемую «тьму забвения». Великий Рим многое взял от их культуры и передал ее наследие европейской цивилизации.

Если кто-то думает, что Этрурия – это древняя страна, которую населяли древние этруски, то он очень глубоко заблуждается. Под Этрурией обычно подразумевают западную

часть современной территории Италии, граничившую на севере с Лигурией и землей Вене-тов, на востоке – с Умбрией по реке Тибр, на юге – с Лацием; западную же ее границу составляло названное по имени жителей страны – тирренов – Тирренское или Тусское море.

В древнейший период истории Апеннинского полуострова, когда этруски господствовали на суше и на море, в пределы Этрурии входили также земли на севере до Альп и на юге до Кампании включительно.

Но государства такого, как ни странно, никогда не существовало. Древние авторы (Дионисий Галикарнасский, Тит Ливий и др.) говорят об этрусках, как об индивидуальностях, но также упоминают и некую этрусскую нацию, объединяющую двенадцать народов, двенадцать независимых городов.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Из Этрурии происходили первые римские цари. Друг императора Октавиана Августа, покровитель поэтов Гай Цильний Меценат, чье имя стало нарицательным (кто не знает, меценат – это человек, способствующий на добровольной и безвозмездной основе развитию науки и искусства, оказывающий им материальную помощь из личных средств), был потомком этрусского царского рода из города Ареццо. Происходили из этрусских городов поэты Публий Вергилий Марон, Авл Персий Флакк и Секст Проперций. Авл Цецина, ближайший друг знаменитого римского оратора, политического деятеля и философа Цицерона, принадлежал к древнейшему этрусскому роду, правившему в городе Волатерры. Труды римских авторов донесли до нас многочисленные сведения о могущественных этрусках, их религии, городах, окруженных мощными стенами и т. д.

Относительно границ у этрусов интересное мнение высказывает историк Жан-Рене Жанно:

«Не так просто нарисовать границы Этрурии, но еще труднее показать границы городов, это можно сделать лишь с определенными допущениями. Но города не упускали случая установить их, и некоторые из многочисленных пограничных столбов дошли до наших дней. У этрусов термин граница обозначался словом «*tulag*», при этом этим же словом обозначались и границы частных земельных владений».

Но почему же тогда трудно определить границы? Ведь найдены же межевые столбы, их обозначавшие. Более того, в Этрурии эти столбы были священными, и нимфа Вегоя (она научила этрусов искусству прорицания) грозила «страшнейшими болезнями и самыми ужасными ранами» всем тем, кто обойдет их, «чтобы расширить свои земли за счет чужих земель». Это свидетельствует о том, до какой степени эта тема была серьезна.

Что же касается независимости этрусских городов, то политической организацией этрусов были союзы автономных (самостоятельных) городов. В III веке до н. э. таких городов в Этрурии было двенадцать. Они назывались так: Церы, Тарквинии, Вульчи, Руселлы, Ветулония, Популония, Вейи, Вольсинии, Кьюзи (или Клузий), Кортон, Ареццо (или Арреций) и Вольтерра.

У этрусов города тогда назывались полисами, и они входили друг с другом в союзы. С другой стороны, из римских источников мы знаем, что в V и IV веках до н. э. отдельные города отказывались помогать друг другу и часто воевали «на свой страх и риск».

КСТАТИ

Были у этрусов еще и крупные деревни вроде Мурло. Или городки типа северного Фьезоле, Капены или Фалерии. Некоторые ученые не называют Популонию, а вместо нее ставят в список этрусского двенадцатиградья Перуджу (Перузию). При этом в своих

изысканиях занимающиеся этим историки очень часто имеют возможность основываться не на документальных источниках, а лишь на песнях поэтов.

Порой одни города переходили под власть более сильного города. Некоторые могли также вступать друг с другом в конфликт по поводу небольших процветающих центров, которые принадлежали то одному, то другому городу (так, например, происходило при определении границы между городами Церы и Тарквинии, которая менялась неоднократно).

Этруски внесли большой вклад в градостроительство Италии. Они имели обычай обносить свои города, которые строились на крутых возвышенностях, мощными стенами из туфовых глыб и каменных блоков. Иногда городские стены могли по высоте превышать пять метров, а их длина могла составлять несколько километров.

По оценкам некоторых историков, общее население Этрурии в III веке до н. э. могло составлять приблизительно 275000 человек.

Так мало! У нас сейчас только в Сочи ежедневно столько человек отдыхает.

А число жителей наиболее крупных городов (Вейи, Церы или Тарквинии) не должно было превышать 30000 человек. Сейчас столько людей живет в каком-нибудь Малоярославце или Дедовске.

Эти цифры, достаточно скромные по сравнению с общей площадью Этрурии, показывают, что могущество этрусков в меньшей степени было связано с их численностью и в большей – с их уровнем цивилизации.

* * *

Итак, в течение всей истории у этрусков не было единого государства. В период своей независимости Этрурия, согласно античной традиции, являлась конфедерацией двенадцати самостоятельных городов-государств. Развитие этих двенадцати городов шло не одновременно, и некоторые из них имели совершенно различные, а порой и противоположные судьбы. Более того, даже точного списка этрусского двенадцатиградья нет.

В случае выбывания одного из членов федерации (например, вследствие военного разгрома) в состав объединения принималось другое государство. Так, после падения города Вейи, разрушенного Римом в 396 году до н. э., на их место в федерацию была принята Популония, остававшаяся до этого, несмотря на свое экономическое значение крупного портового города и важного центра металлургии, в составе государства Вольтерры.

Каждую весну в главном общетруском святилище бога Вольтумны в городе Вольсинии собирались главы двенадцати этруских городов-государств. К этим собраниям были приурочены общенародные игры и ярмарки. Собравшиеся обсуждали вопросы общей политики, совершали жертвоприношения и выбирали главу союза, символ их культурных и религиозных связей, который, по всей видимости, не имел реальной власти.

А вот каждый из городов управлялся так называемым «лукумоном», избравшимся местной аристократией, однако неизвестно, кому принадлежала власть в конфедерации.

И принадлежала ли она кому-то вообще?

У этрусков того времени, несомненно, существовали царская власть и совет старейшин. Но имеющиеся в наличии первоисточники отражают эту сторону жизни этрусков крайне слабо. Термин, обозначавший на этруском языке «царь», вообще неизвестен. Термин же «лукумон», использовавшийся римскими авторами, означал, скорее всего, всех лиц высокого общественного положения. Более того, в ходе развития общественного строя в Этрурии он явно изменял свое значение. В древнейшие времена он мог означать, например, «старейшину рода».

На мой взгляд, скорее всего, избранный в святилище бога Вольтумны «царь этрусков» исполнял в основном верховные жреческие обязанности. Мог он быть и верховным судьей. Не исключено также, что он мог выполнять обязанности и главы союзного ополчения, если таковое собиралось. Например, считается, что знаменитый полководец Ларс Порсенна, пытавшийся восстановить власть в Риме изгнанного оттуда этрусского царя Тарквиния Гордого, выступал не просто как царь города-государства Кьюзи (или Клузия), а в качестве главы объединенной армии конфедерации этруских городов. Однако решение о сборе такого ополчения мог принять лишь совет представителей всех городов, собиравшийся в Вольсиниях. Да и сами решения таких совещаний носили характер рекомендаций – некоторые города-государства могли не участвовать в общих делах.

Вот такая у этрусков была демократия. Которая, как говорил Уинстон Черчилль, есть «наихудшая форма правления, если не считать всех остальных».

Короче говоря, каждый этрусский город имел собственную армию, но совместно они действовали очень редко, и это было их главным слабым местом. Этим-то и воспользовались коварные римляне, но об этом – чуть ниже.

Легенда о Горациях и Куриациях

Рим давно креп и рос, однако главным городом региона Лаций он долгое время не был. Главным городом оставалась основанная примерно в 1152 году до н. э. Альба-Лонга – легендарная родина братьев Ромула и Рема, считающихся основателями Рима.

Соответственно, между Альбой и Римом назревала борьба за первенство.

Конфликт произошел во времена правления Тулла Гостилия, третьего царя Рима, правившего с 673 по 641 гг. до н. э. Точнее, сначала произошел какой-то мелкий инцидент между римскими и альбанскими пастухами, а потом воинственно настроенный Гай Клуилий решил идти войной на соседний город.

Войска Рима и Альба-Лонги с неохотой приняли приказ о военных действиях, так как многие семьи породнились между собой и прежде жили мирно. Долго стояли войска на поле боя, не решаясь, напасть друг на друга. В лагере альбанцев умер их царь Гай Клуилий, и они избрали диктатора Меттия Фуфетия. Через некоторое время Меттий Фуфетий выехал на коне вперед и обратился к римлянам с такой речью:

– Наши племена – братья, и все же мы сошлись воевать. Пусть так. Но не забудьте, римляне, что у нас с вами есть третий враг, общий и опасный. Рядом с Лацием лежит Этрурия, рядом с латинами живут этруски. Они мечтают напасть на нас и только и ждут, чтобы мы обессилели в междоусобной борьбе. Зачем проливать много крови? Выставим бойцов для поединка: чья сторона победит, та и будет властвовать над Лацием.

В результате, правители приняли решение выставить на бой по три воина с каждой стороны. И выбор воинов пал на братьев Горациев со стороны римского войска и братьев Куриациев от Альба-Лонги.

По одной из версий, Горации и Куриации были двоюродными братьями. Их матери якобы были сестрами из Альба-Лонги. Известно также, что сестра Горациев собиралась замуж за одного из братьев Куриациев. При этом Горации были братьями-близнецами, а Куриации были равны им по возрасту и силе. В мирное время они дружили между собой, и уже шли приготовления к свадьбе.

Наступил день сражения, и братья вышли на поляну, где в полной тишине долго бились, не уступая друг другу. Однако первыми не устояли братья Горации, и двое из них пали один за другим. Остался один из Горациев и трое раненных Куриациев. Альбанцы, предвкушая победу, радостно закричали.

И действительно, что мог сделать один боец против трех, пусть раненых, но все еще грозных противников?

Но тут выживший римлянин совершил неожиданный для того времени поступок: он бросился бежать. Град насмешек посыпался из рядов альбанского войска, римляне же не знали, печалиться им о поражении в поединке или проклинать своего представителя за трусость...

И никто тогда не догадывался, что это была военная хитрость!

А тем временем Куриации побежали за Горацием, тем самым разделившись, чем он и воспользовался. Один из Куриациев почти настиг его, и вдруг Гораций резко повернулся и обрушился на преследователя. Застигнутый врасплох альбанец пал. Потом аналогичным образом Гораций убил второго противника, а когда подбежал третий, он вонзил ему меч в горло со словами:

– Двоих я принес в жертву теньям моих братьев, гибель третьего дает римлянам власть над альбанцами!

Горации победили, и Альба-Лонга была вынуждена подчиниться Риму.

Ликуя возвращались римляне домой. Впереди шел Гораций-победитель, неся доспехи павших альбанцев Куриациев. В толпе встречающих была и сестра Горация, которая узнала в захваченных доспехах плащ своего жениха, ею самую сшитый. Когда Гораций увидел слезы сестры, он не стерпел ее плача по врагу и вонзил ей в грудь свой меч. При этом он крикнул:

– Умри, если жених тебе дороже братьев, если враг тебе дороже Отечества!

Увидевший это народ был в ужасе. Горация схватили, отвели к царю, хотели казнить. Его спасло только заступничество старика-отца. Он вышел вперед и сказал:

– Неужели, граждане, вы будете спокойно смотреть на казнь того, кто только что вступил в город победителем? Моя дочь была убита по праву, и сын поступил, как должно: любовь к Отечеству поставил выше родственной любви. Кто еще способен на это? Только что у меня было четверо детей, троих я уже лишился, не лишайте меня четвертого!

Римляне были тронуты мольбами старика, и победитель Куриациев был оставлен в живых.

КСТАТИ

Поединок Горациев и Куриациев получил широкую известность, благодаря многим литературным и музыкальным произведениям, фрескам, а также картине Жака-Луи Давида «Клятва Горациев», написанной в 1784 году.

Конец Этрурии

Рим с каждым годом становился все более и более могущественным. И вот, в 280 году до н. э., два последних крупных этрусских города – Вульчи и Вольсинии – подписали мирный договор с римлянами на весьма тяжелых для себя условиях.

А в 273 году до н. э. Вульчи вообще были аннексированы (то есть насильственно присоединены) Римом. Город потерял свою независимость, а на его землях римляне основали свою колонию.

В результате, почти вся территория современной Италии попала под власть Рима. Независимым от него оставался практически только богатый этрусский город Вольсинии. Чтобы отстоять свою самостоятельность, вольсинийцы решились на крайнее средство – они вооружили своих бесправных бедняков и даже рабов.

Кончилась эта затея плохо – бывшие угнетенные обратили полученное оружие против знати и захватили власть в городе. И тогда вольсинийская верхушка пошла на сговор с теми, против кого все это и затевалось, то есть с римлянами.

Нетрудно догадаться, что это был опрометчивый шаг, приведший к гибели города: в 265 году до н. э. римляне овладели Вольсиниями, и все жители города были изгнаны из своих жилищ и насильно переселены в окрестности озера Больсена, где вскоре возник новый город.

И вот получилось так, что практически весь Апеннинский полуостров до Паданской долины оказался подчинен Риму. И Этрурия полностью покорила Риму. Покорила окончательно и бесповоротно.

То есть, по сути, все без исключения этрусские города перешли на положение вассалов Римской империи. И получилось так, что все, чему этруски в свое время научили римлян, обратилось против самих же учителей. Вдоль побережья Этрурии римляне построили стратегические дороги, которые нарушили хрупкое экологическое равновесие, достигнутое большими усилиями и мастерством этрусков. Дороги эти перегородили всю дренажную систему, и до того момента плодородные земли начали заболачиваться. Пагубные последствия не заставили себя долго ждать: в Этрурии начали вспыхивать эпидемии малярии, выкосившие значительную часть населения.

Быстрее всего «загнулись» города Южной Этрурии, расположенные рядом с Римом. Но более северные города типа Кьюзи, Перуджи и Вольтерры и под властью римских орлов еще какое-то время сохраняли остатки своего бывшего могущества. Но постепенно и они утратили последние капли своей автономии.

В 196 году до н. э. в Этрурии имело место восстание рабов, но оно было жестоко подавлено римлянами.

А потом, примерно в 90 году до н. э., Рим даровал этрускам права римского гражданства. Этрурия была разделена на шесть трибов (округов). Начиная с этой даты, внутренняя история Этрурии полностью смешалась с историей Рима.

А вскоре Юлий Цезарь, произнеся свою знаменитую фразу: «Жребий брошен», переправился через Рубикон и занял Рим. Хотя он и был убит Юнием Брутом, идея создания державы с твердой властью одного человека уже витала в воздухе. Оставалось ждать совсем немного: в 30 году до н. э. Октавиан, будучи единственным хозяином Рима, получил титул императора. Началась новая история Рима и новая история человечества.

Правда, следует отметить, что еще долгое время Этрурия представляла собой для римлян некую культурную модель и образец утонченной цивилизации, вызывавшей у них уважение и восхищение: среди римской знати еще долго ценилось родство с этрусской аристократией, а получить этруское образование считалось очень престижным.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

В качестве исторического курьеза можно привести такой факт: в последний раз об Этрурии вспомнили при Наполеоне Бонапарте, который в 1801 году образовал одноименное зависимое от Франции королевство, создав его на базе Великого герцогства Тосканского, захваченного его войсками. Однако в конце 1807 года королевство Этрурия было упразднено, и вся его территория была включена в состав Французской империи.

До 510 года до н. э. римская городская община находилась под управлением царей, которых предание насчитывает семь: Ромул (легендарный основатель города), Нума Помпилий, Тулл Гостилий, Анк Марций, Тарквиний Древний, Сервий Туллий и Тарквиний Гордый.

Потом Рим стал республикой, в которой решающую роль играл сенат и два консула, избиравшиеся на год.

Потом (с 27 года до н. э.) Рим из республики был превращен в монархию (империю).

Римляне находили, что надо либо облагодетельствовать восставшие народы, либо вовсе их истребить, ибо всякий иной путь грозит величайшими опасностями.

Никколо Макиавелли итальянский мыслитель

Потом (в 395 году н. э.) произошел раздел Римской империи на две части – на Восток и Запад. Затем еще сто лет Западная Римская империя просуществовала самостоятельно. За это время Рим дважды был разграблен варварами, но империя еще как-то держалась.

Об этом написано столько разнообразной литературы, что кажется невозможным добавить что-то новое. Вот я и не буду даже пытаться делать это. Скажу лишь, что в 476 году Западной Римской империи не стало. Это произошло, когда один из германских наемников, Одоакр, надел на себя корону, свергнув последнего из императоров, Флавия Ромула Августа, прозванного Ромулом Августулом.

Школьник, знай, 476 год – это очень важная дата.

Почему?

Да потому, что крушение Западной Римской империи в конце V века принято считать началом Средневековья.

Рим разрушили мигранты. Просто в то время их нетолерантно называли варварами.

Неизвестный автор

Глава 3

Средневековье

Эпоха Средневековья представляет собой очень неоднозначное явление. Начну с того, что в исторической науке существуют многочисленные точки зрения на само понятие «средние века». Этот термин впервые был введен итальянским гуманистом Флавио Бьондо. Он это сделал в 1453 году, а до него же доминирующим термином для обозначения периода со времени падения Западной Римской империи являлось введенное Франческо Петраркой понятие «темные века» (им сейчас обозначают более узкий отрезок времени – VI–VIII века).

Средневековье условно делится на три основных периода: Раннее Средневековье (конец V века – середина XI века), Классическое Средневековье (середина XI века – конец XIV века) и Позднее Средневековье (XV–XVII века).

Средние века – это период всемирной истории, главным содержанием которого является формирование, расцвет и упадок феодального строя.

Кто-то считает, что верхней границей средних веков является то время, когда в Англии произошла буржуазная революция.

В период Раннего Средневековья шло становление феодальных отношений. Значительно расширилась территория, на которой проходило образование западноевропейской цивилизации, причем если основу античной цивилизации составляли Древняя Греция и Рим, то средневековая цивилизация охватывала уже практически всю Европу.

В Раннее Средневековье наблюдалось развитие франкского государства. Имело место усиление германского племени франков и завоевание ими Северной Галлии (486 год).

У каждого века есть свое Средневековье.

Станислав Ежи Лец польский писатель-сатирик

Первым королем франков был Хлодвиг, происходивший из рода легендарного франкского вождя Меровея. Поэтому первая династия франкских королей называется династией Меровингов.

Хлодвиг отметил тем, что, устранив своих политических соперников, принял крещение по официальному обряду католической церкви.

Как говорят современные французы, потомки тех самых франков, «в каждом деле ищите женщину». Вот и Хлодвиг, наверняка, мог сказать так, ведь он женился на дочери короля бургундов Клотильде, а она была христианкой и именно она начала приобщать к христианству своего вероломного и жестокого мужа.

Противоречивая Королева Клотильда

Клотильда родилась примерно в 475 году, когда после крушения Римской империи варварские народы (бургунды, вестготы, франки и аламаны) соперничали между собой, чтобы разделить Галлию.

Родившаяся в Лионе, Клотильда принадлежала к Бургундской династии. Она была одной из внучек короля Гондовея. Воспитанная в католической вере матерью, известной своей набожностью, она получила серьезное по тем временам образование, живя в бывшей столице Галлии, в месте, где соединялось все то, что в христианстве считалось самым выдающимся и самым глубоким образом отмеченным римской цивилизацией.

Клотильда могла бы прожить обычную жизнь высокопоставленной девушки, выйдя замуж за человека аналогичного происхождения и создав обычный христианский семейный

очаг. Это было бы возможно в любой другой семье, но не в ее окружении, где с отцовской стороны постоянно царил дух ожесточенных ссор, мести, неслыханной жадности и даже кровавых преступлений.

В 472 году, то есть за три года до ее рождения, Бургундское королевство, простиравшееся от Лангра до Дюранса, от Юрских гор до Альп, было разделено, как того требовал обычай, между сыновьями умершего короля Гондовей. Старший сын, Гондебольд, пребывая в бешенстве от того, что не получил более обширных территорий, обосновался в Дижоне. Годегизил правил в Женеве. Отцу же Клотильды, Хильперiku, достался район Лиона.

Едва раздел закончился, зависть и насилие воцарились между братьями. Такие тогда были времена. Впрочем, братья ссорятся между собой и сейчас, но тогда... Это было что-то... И все стало для братьев дозволено лишь бы сократить долю, доставшуюся другому. И кончилось все это тем, что в 491 году Гондебольд убил своего брата Годегизила и взялся за Хильперика. Он приехал к брату, когда тот занимался семейной трапезой. Все произошло мгновенно: меткий удар топора, и голова бедного правителя Лиона упала на холодный пол. Более того, воспользовавшись замешательством, двое воинов Гондебольда схватили охваченную ужасом жену Хильперика и бросили ее в Рону. Напоследок варвары решили позавеселиться убийством сыновей несчастного: без малейших сомнений их бросили в глубокую шахту, накинув им на шеи веревки, к которым были привязаны тяжелые камни.

Что касается Клотильды и ее сестры Хроны, менее опасных, потому что они были женщинами, то Гондебольд заставил их уйти в монастырь.

Вот таким страшным и грубым образом Клотильда, которой было в то время шестнадцать лет, с пылом обратилась к Богу, но навеки осталась отмеченной жаждой мести. И уж она тогда точно не думала, что самая сладкая месть – это прощение. Или забвение, ибо оно хоронит врага в прахе его ничтожества. Нет! Христианка по матери, Клотильда унаследовала от отца жажду власти и желание адекватно ответить. Как говорится, око за око...

* * *

Весной 492 года, пять всадников неслись, прищипывая своих коней, вдоль берега Роны. Они быстро пересекли Бургундию и оказались во Франкском государстве и вскоре явились в королевский замок короля Хлодвиг в Суассоне.

Хлодвиг тотчас принял их, ибо новость, которую они принесли, была для него крайне важной.

– Мы нашли для тебя самую прекрасную женщину в мире, – торжественно объявил один из всадников.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Франки – это группа германских племен, основавших в эпоху Раннего Средневековья Францию и Германию. Первоначально они населяли низовья Рейна. В середине IV века франки стали федератами (союзниками) римлян. В отличие от прочих германских племен, франки не покидали насиженных мест, а стали расширять свои владения – как на запад, на территорию Галлии, так и на восток, в глубь Германии. Начало их завоевательным походам и положил король Хлодвиг, который правил в 481–511 годах. Он сплотил франков в единое государство и распространил его границы до Пиренеев, уничтожив остатки римской империи в Галлии и оттеснив бургундов и вестготов.

Глаза Хлодвиг загорелись, и он широко улыбнулся.

Ему было уже двадцать пять лет, и он безуспешно искал себе супругу, которая была бы одновременно и красивой, и происходила бы из благородной семьи. Дело это было непростым, и Хлодвиг уже начал думать, что два этих качества вообще не сочетаются.

В данный момент, как нетрудно догадаться, речь шла о Клотильде.

Хлодвиг поблагодарил гонцов и тотчас позвал своего друга Орельена, слывшего большим интриганом. Ему было поручено добиться согласия Клотильды, а также решить все связанные с предстоящим браком организационные вопросы.

Орельен, не мешкая, уехал. И он порешал все наилучшим образом, то есть он не только добился положительного ответа Клотильды, но и согласовал все с Гондеболдом, который не осмелился рассердить Великого Хлодвигу отказом.

И вот Клотильда оказалась в Суассоне, и Хлодвиг, увидев ее, был восхищен. Вскоре они поженились. Королевская пара обосновалась сначала в Суассоне, а затем, после новых завоеваний франкской армии, в Париже, который стал столицей королевства, начиная с 508 года.

Кажется, Чехов в шутку утверждал, что «ехать с женой в Париж – это все равно, что ехать в Тулу со своим самоваром». Но тогда до его рождения оставалось еще более тринадцати столетий, а посему Хлодвиг и Клотильда стали жить счастливо.

При этом юная королева, решив спасти душу мужа, начала обращать его в христианскую веру.

Ну, что значит «начала обращать»? Она просто стала объяснять язычнику Хлодвигу ошибочность его религии, а король, опьяненный любовью, легко позволял себя убедить, хотя немного побаивался принять решение о крещении, ведь измена вере его отцов могла подвергнуть его власть опасности. В самом деле, франки видели в королях потомков своих богов. Только боги и их отпрыски имели право вершить судьбы народов. Принять же какое-то там христианство – это означало предать своих предков, разрушить генеалогическую цепочку, по сути, отречься от престола. Поверьте, тогда реально требовалось большое мужество для принятия веры Христовой.

* * *

Тем временем Клотильда родила первого ребенка. Это был сын, которого назвали Ингомир. И королева добилась у своего мужа разрешения крестить их первенца. Клотильда позаботилась, чтобы церковь была украшена дорогими коврами. Она считала, что пышность церемонии должна поразить и растрогать мужа. И точно – Хлодвиг был в восторге.

Но увы! Через несколько дней после крещения маленький Ингомир заболел и умер. Все старания бедной королевы оказались напрасны.

– Если бы этот ребенок был предназначен моим богам, – воскликнул в порыве гнева король, – он бы выжил! Но он не смог жить, потому что был крещен во имя вашего Бога.

Хоть Клотильда и была убита горем, она нашла в себе силы ответить супругу:

– Я благодарю великого Сотворителя мира, что он не счел меня недостойной послать в царство небесное вскормленного моей грудью ребенка. Я знаю, что дети, которых Бог забирает себе еще в младенческом возрасте, воспитываются под его Всевышним взором.

Хлодвиг был явно озадачен. Никогда раньше он о подобном даже не задумывался. И эта спокойная покорность судьбе преисполнила его таким восхищением, что он еще больше влюбился в прекрасную Клотильду и поспешил ей это доказать.

Вскоре на свет появился их второй сын, которого назвали Клодомиром. Рождение ребенка так обрадовало Хлодвигу, что Клотильда тотчас воспользовалась этим и уговорила мужа дать еще раз согласие на крещение. Король снова поддался на нежные уговоры милой супруги, и обряд состоялся, превзойдя по своей пышности крещение первенца.

Но на следующий же день (бывают же такие совпадения!) заболел и Клодомир. Хлодвиг был взбешен:

– С ним не могло не произойти того же, что произошло и с его братом, крещенным во имя вашего Христа! Ему тоже предназначено умереть!

Бедная Клотильда с трудом владела собой. Она бросилась в церковь и, закрывшись там, в течение двух дней так усердно молилась, что вымолила выздоровление ребенка. И, надо сказать, это было сделано вовремя! Хлодвиг уж было решил никогда больше не иметь дела с такой опасной для здоровья верой.

* * *

Мягкостью и примером своего добродетельного поведения Клотильда оказывала все большее влияние на Хлодвига, который, несмотря на исцеление сына, все еще продолжал быть воинствующим язычником.

Став королем в 15 лет, он почти всю жизнь воевал. Практически ничего другого он и не умел делать. Беря город за городом, франки всегда грабили церкви. Согласно хроникам Григория Турского (его «История франков» в десяти книгах, доведенная до 591 года, является главным источником информации по истории Франкского государства), известна, например, такая история. При разграблении одного храма франки захватили очень ценную чашу, и епископ ходатайствовал перед Хлодвигом о возвращении ее в церковь. Дележ добычи происходил в Суассоне, и Хлодвиг попросил воинов прибавить эту чашу к его доле. Все согласились, кроме одного франка, который заявил:

– Ты не получишь ничего сверх того, что тебе достанется по жребию.

Сказав это, воин ударил по спорной добыче секирой.

Хлодвигу оставалось лишь передать посланцу епископа обломки священной чаши. Он умел владеть собой и понимал формальную правоту смельчака, но и забыть подобный вызов он не мог. Через год на военном смотре король подошел к этому воину и, упрекнув его в дурном содержании оружия, бросил его секиру на землю, а когда тот нагнулся, чтобы поднять ее, Хлодвиг своей секирой рассек ему голову. При этом он сказал:

– Да постигнет тебя тот же жребий, что и чашу, разбитую тобой!

Этим жестоким убийством король-язычник навел на своих воинов сильный страх. И совершенно неудивительно, что такой человек долго оставался глух к призывам своей супруги.

Хлодвиг каждый раз отвечал ей:

– Не меня надо убеждать, а людей вокруг меня.

У него же были совсем другие заботы: всегда неутомимые германские племена без конца угрожали перейти Рейн и обосноваться в Галлии. Однажды утром стало известно, что племена аламанов, этих дерзких грабителей, захватили Эльзасскую равнину. Чтобы не позволить им продвинуться в глубь территории, Хлодвиг во главе франкского войска бросился им наперерез и остановил продвижение. Согласно преданию, во время этого сражения Хлодвиг, почувствовав, что превосходство в битве переходит к врагу, начал усиленно молиться своим богам, языческим идолам, однако те не пришли к нему на помощь. Тогда Хлодвиг в горячем порыве воззвал к Богу Клотильды:

– О, Боже Клотильды, умоляю тебя, даруй мне победу! И ты будешь моим Богом! Я поверю в тебя и крещусь во имя твое!

Воодушевленные франкские воины удвоили свой пыл, и то, что уже казалось невозможным, свершилось: внезапно аламаны, объятые страхом, бежали, даруя Хлодвигу и его солдатам лавры победителей.

Конечно, современные историки отвергают эту легенду и решающую роль в обращении Хлодвиг в христианство отводят не его победе над аламанами, а любви франкского короля к Клотильде.

Действительно, Клотильда для этого употребила весь свой ум, всю свою ловкость. Для христианства это было очень важно! Получить присоединение к христианству победителя аламанов при Тольбиаке – означало для церкви расширение ее власти на все варварские королевства. Для Хлодвиг это тоже было важно: этот храбрый воин все же понял действительную значимость поддержки, которую могла ему принести церковь, столь же мощная, как и он в своей политике завоеваний.

* * *

В любом случае, Хлодвиг крестился у Святого Ремигия, епископа Реймса, в Рождество 496 года.

Перед обрядом Ремигий начал наставлять короля в законе христианском. Хлодвиг, выслушав епископа, сказал:

– Охотно я тебя слушал, святейший отец, но меня смущает вот что: мои подчиненные не потерпят того, чтобы я оставил их богов. Однако я пойду и буду говорить с ними.

Когда же король обратился к своим воинам, они воскликнули:

– О, король, мы отрекаемся от смертных богов и будем служить Вечному Богу, которого проповедует Ремигий!

В результате, вместе с Хлодвиг в Реймсе крестились сестра короля и три тысячи его воинов. Это был весьма ловкий прием, ибо франки, принимая веру короля, оставались, как и прежде, подчиненными ему.

Это обращение в новую веру в угоду любимой женщине имело очень большое политическое значение. В то время, как другие короли варваров, готов и бургундов оставались арианами, Хлодвиг, принявший новую веру, был признан миллионами галло-римских католиков, населявших Галлию, своим предводителем.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Арианство – течение в христианстве в IV–VI вв. Возникло в Поздней Римской империи. Получило название по имени его зачинателя – александрийского священника Ария. Ариане не принимали основной догмат официальной христианской церкви, согласно которому Бог-сын единосущен Богу-отцу. По учению Ария, сын божий Логос (Христос) – творение Бога, следовательно, не единосущен ему, то есть в сравнении с Богом-отцом является существом низшего порядка.

Этот титул позволил ему заручиться поддержкой епископов, чье влияние было тогда огромным, и завоевать у вестготов значительную территорию от Луары до Пиренеев. А позже титул «Короля католиков» позволил его сыновьям овладеть Бургундией, а его народу – стать христианской нацией с многообещающим будущим.

Это ли не чудо, которым он был обязан Клотильде!

* * *

Своей резиденцией Хлодвиг сделал Париж. Он укрепил королевскую власть и превратил ее в наследственную. При нем была записана «Салическая правда» или «Салический закон» (Lex Salica), то есть была сделана запись обычного права салических франков. Запись эта была сделана на вульгарной латыни с вкраплениями франкских слов и выражений по

личному распоряжению короля Хлодвиг (при его преемниках она дополнялась и перерабатывалась). «Салический закон» делился на титулы (главы) и содержал перечень преступлений и соответствующих им наказаний (налагавшихся главным образом в виде штрафов).

Защищая отдельные виды индивидуально-семейной собственности (наказания за кражу скота, рабов, хлеба, сена и т. д.), «Салический закон» фиксировал процесс зарождения индивидуально-семейной собственности на землю (разрешение наследовать пахотные участки потомкам мужского пола). Вместе с тем, он содержал указания на дифференциацию франкского общества, на существование, наряду со свободными, полусвободных литов, которые занимали промежуточное положение между свободными общинниками и рабами, а с другой стороны – знати (приближенных короля).

Как видим, победа Клотильды на этом «фронте» была полной. Но она еще более укрепила ее, родив Хлодвигу еще двух сыновей, Хильдебера и Клотара, а затем дочь, Клотильду, предназначенных к королевской судьбе. Очень бдительная, она не прекращала заботиться о закреплении присутствия церкви в королевстве. Это при ее участии на горе Лютеция был воздвигнут современный Пантеон, великолепная базилика, вся из мрамора и мозаики, посвященная святым апостолам.

* * *

Однако, несмотря на свою внешнюю набожность, Клотильда оставалась представительницей Бургундской расы, традиционно озабоченной кровной мстью. Она не забыла про убийство своих родителей и братьев и задумала воспользоваться империей, которая у нее была при Хлодвиге, чтобы подтолкнуть ее к войне против проклятого убийцы Гондольда.

В 500 году под влиянием Клотильды Хлодвиг отправился в поход против бургундцев и разбил при реке Уш, недалеко от Дижона, их армию во главе с Гондольдом, который принужден был платить Хлодвигу дань. Но у мужа Клотильды не было реальной потребности развивать военные действия с ним: в 507 году он победил готов в Вуйе возле Пуатье, затем занялся обширными районами между Луарой и Пиринеями. Чуть менее славным образом к 509 году он установил власть над франкскими племенами, убив короля Кельна и его наследника.

Его жизнь завоевателя оборвалась в 511 году в Париже, новой столице, где он умер. 27 ноября того же года Клотильда, которой едва исполнилось 36 лет, перенесла останки своего мужа в крипту базилики Святых Апостолов, строительство которой близилось к завершению. И, как и подобало вдове, она возвратилась к набожности и милосердию, не опускаясь до ярких празднеств, характерных для двора Меровингов.

Она удалилась в Тур, в Базилику Святого Мартина, которому она также поклонялась, где и провела остаток своих дней в делах, приятных Богу. Распоряжаясь огромным состоянием, она распространила свои благодеяния на большое количество церквей и монастырей. Григорий Турский писал по этому поводу: «В это время на нее смотрели не как на королеву, но как на посланницу Божию. Она не позволила себе соблазниться ни могуществом королевства своих сыновей, ни богатством, ни честолюбием века, но она стяжала благодать своим смирением». Она раздавала свое имущество так, что к смерти у нее, как говорят, было нечего распределять.

* * *

Но у Клотильды была очень хорошая память. Не желая забывать трагедии своей юности, она не прекратила подталкивать своих сыновей к войне против Сигизмунда, преемника Гондольда.

– Сделайте так, чтобы я не раскаивалась в том, что вскормила вас. Отомстите за убийство моего отца и матери, – повторяла им она, будучи в этот момент больше бургундкой, чем будущей святой.

Эта карающая беспощадность стоила ей жизни старшего сына Клодомира, погибшего в бою с Сигизмундом в 524 году. Но на этом ее семейные трагедии не закончились. Два других ее сына, Хильдебер и Клотар, решили объединиться в разделе королевства их умершего отца. А для этого, не стоило ли избавиться от потенциальных соперников? И вот однажды, когда Клотильда была в Париже, они ей прислали сообщение: «Пришли нам детей нашего брата Клодомира, чтобы мы возвели их на трон».

Честолюбие победило недоверие?

Но могла ли она представить своих собственных сыновей, способных на какое-либо недоброе намерение?

Она отправила троих своих внуков, сказав им:

– Я не буду верить в смерть своего сына, если увижу вас на его месте в королевстве.

Но трагическая игра вновь началась. Посланец возвратился, но на этот раз с посланием совсем другого рода.

– Твои сыновья желают знать твою волю относительно этих трех детей. Либо они постригутся, либо будут убиты.

При этом он показал королеве ножницы и шпагу.

Постригутся в монахи?

Но это значило бы конец их амбициям на получение королевской власти, так как длинные волосы тогда были символом Меровингов!

Постригшиеся сыновья Клодомира должны были бы затаиться в каком-либо монастыре!

Взяла ли Клотильда время на то, чтобы подумать?

Или ее гордость королевы мгновенно победила остальные человеческие чувства?

В любом случае, она ответила, что, если они не будут править, она предпочла бы видеть их мертвыми, чем остриженными! Вот решение, открывающее истинные горизонты личности Святой Клотильды! И тогда произошел последний акт этой трагедии власти: двое из детей были убиты рукой их дяди Клотара.

Что касается последнего, Клодоальда, то он бежал, никто не знает, каким образом. Он станет монахом и будет даже канонизирован под именем Святого Клода.

Примерно в то же время Клотильда потеряла и свою дочь, которая была выдана замуж за жестокого и вспыльчивого короля вестготов Амальрика.

И вновь облаченная в траур королева направилась к своей новой очень красивой базилике для того, чтобы захоронить там тела своих внуков, рядом с Хлодвигом и Святой Женевиевой, столь популярной у парижан, что позже эта церковь получит ее имя.

* * *

Но, фактически убив маленьких наследников Клодомира, два брата стали врагами из-за нового раздела королевства.

Клотильда вмешалась, вызывая их к разуму, молилась за них своему дорогому Святому Мартину. Ей даже показалось, что она преуспела в этом последнем семейном деле, так как оба убийцы заключили перемирие, чтобы вместе продолжать завоевательные войны с разделом после каждой победы.

Для Клотильды ее временная миссия была, наконец, выполнена. Теперь она уже окончательно удалилась в Тур в тень базилики, посвященной Святому Мартину, оставив любой блеск, питаясь одним хлебом и овощами, умножая приношения и распределяя милости всем

несчастливым людям, попавшим в нищету в результате войн и грабежей, устроенных ее сыновьями.

* * *

В очень пожилом для той эпохи возрасте (в 70 лет) она умерла в Туре 3 июня 545 года. Клотар и Хильдебер перенесли ее тело в Париж, чтобы захоронить его в базилике горы Лютеция рядом с мужем Хлодвигом и внуками, принесенными в жертву безумству власти.

Ее набожная репутация и главным образом ее роль в обращении короля франков в христианскую веру подтолкнули папство к канонизации этой женщины с такой сложной судьбой, но и с таким характерным для той эпохи сочетанием насилия и милосердия.

Заслуги Хлодвиг перед церковью также были велики, ведь он был крестителем своей страны. Это дало право историку Анник Пелегри написать о нем так: «Церковь ему обязана многим, Франция ему обязана всем!»

Но он не был канонизирован, и виной тому был характер короля, прагматичного до цинизма. Крещение не было связано для него с нравственным переворотом, подобным тому, какой испытал, например, Владимир Киевский, который стал до того бояться греха, что даже остерегался казнить преступников. Хлодвиг видел в принятии христианства, прежде всего, практическую пользу и, уже став христианином, безо всяких угрызений совести осуществил свои планы расправы над всеми королями-родичами. Он и сам не скрывал этого. Собрав однажды своих приближенных, он как-то воскликнул:

– Горе мне, я остался один, как странник среди чужой земли, и не имею родственников, которые могли бы мне помочь в случае несчастья!

По словам Григория Турского, «это не значило, что он был опечален их смертью, а говорил так по хитрости, рассчитывая узнать, не остался ли еще кто-нибудь в живых, чтобы умертвить всех до последнего».

Святая Клотильда, напротив, стала образцом вдовы и христианской властительницы, она была прославлена, как защитница христианства и основательница французской монархии. И действительно, можно без преувеличения утверждать, что, именно благодаря обворожительной и нежной улыбке Клотильды, у франков появилось единое государство. Этот союз, в котором мужская сила подчинилась женской красоте и кротости, стал в дальнейшем колыбелью современной Франции.

На мой взгляд, нет такого понятия, как хороший или плохой христианин. Есть плохие и хорошие люди.

Джоанн Харрис британская писательница

Карл Мартель и его дело

В 732 году Карл Мартель положил конец мусульманской экспансии на территории нынешней Франции и тем самым фактически спас всю Западную Европу. Кстати, с тех пор прошло почти тринадцать веков, но проблемы остались, и они с каждым годом все усугубляются...

Карл был сыном Пипина Геристальского, майордома (высшего сановника) Австразии, Нейстрии, а потом и всего Франкского государства.

После смерти Пипина в 714 году, его первая жена Плектруда захватила власть в свои руки и бросила Карла (а его матерью была Альпаида, побочная жена Пипина) в тюрьму.

Франки, недовольные правлением женщины, восстали против Плектруды и, в конце концов, она была вынуждена бежать.

Со своей стороны, 25-летний Карл в августе 715 года совершил побег из тюрьмы, собрал армию добровольцев и напал на нового майордома Нейстрии Рагенфреда...

* * *

Короче говоря, страшные были времена, темные, но очень скоро Карл, одержав ряд блестящих побед, стал одним из самых высокопоставленных сановников Франкского государства, которое тогда состояло из трех больших частей: Нейстрии, Австразии и Бургундии.

Но в историю Карл вошел не по этой причине. Получив прозвище «Мартель», он прославился, прежде всего, своими победами над завоевателями-арабами.

А началось все весной 732 года, когда вали (губернатор занятого мусульманами Пиренейского полуострова) Абд ар-Рахман вторгся в южные территории нынешней Франции. План его состоял в том, чтобы обрушиться на Гасконию и Аквитанию. Он хотел опустошить эти территории, отомстить за смерть своего предшественника Аль-Самх ибн Малика и подчинить там всех учению пророка и власти его наместника.

Кстати, упомянутый Аль-Самх ибн Малик, правитель аль-Андалуса (так тогда называлась мусульманская территория Пиренейского полуострова), в 721 году уже предпринимал попытку такого вторжения. Он осадил Тулузу, но потерпел поражение и был убит, а остатки его войска укрылись в Нарбонне.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Арабское завоевание Пиренейского полуострова произошло очень быстро – в 711–718 годах. Королевство вестготов, занимавшее в период расцвета почти всю нынешнюю Испанию и юго-запад нынешней Франции, пало. Магрибская династия Омейядов взяла власть в Иберии в свои руки, и лишь в Пиренейских горах сохранили независимость два небольших труднодоступных региона, которые населяли баски и романизированные астуры. Битва при Ковадонге в 722 году, в которой христиане одержали первую победу, положила начало так называемой Реконкисте (отвоевыванию). Тем не менее, вплоть до 732 года арабы совершали набеги по всему югу Франции, пока не были разгромлены у Пуатье. На завоеванных в Иберии землях образовалось исламское государство, просуществовавшее до 1492 года.

Теперь Абд ар-Рахман собрал все мусульманские войска, находившиеся на территории нынешней Испании. По разным оценкам, с ним шло от 65000 до 70000 человек, а это по тем временам была поистине огромная армия.

* * *

Вскоре Абд ар-Рахман осадил Бордо. Герцог Аквитании Эд Великий (тогда враг Карла) решился на битву и проиграл ее. За этим последовало разграбление города и осквернение христианских святынь.

Затем, оставив за собой Гаронну и взяв направление на север, сарацины достигли реки Дордонь, переправились через нее и продолжили грабежи.

В отчаянии Эд бросился к Карлу, решив признать зависимость от него, но умоляя спасти свои земли. Между тем арабы уже распространились по всей Аквитании и дошли до

гористой Оверни. Мало того, их легкие отряды уже переправлялись через Луару и рыскали по землям Нейстрии.

Особенно их привлекал Тур, славный своей богатой базиликой и мощами Святого Мартина. По дороге к Туру арабы подошли к Пуатье, не смогли взять город, но разграбили и сожгли его предместья.

* * *

Естественно, Карл не мог оставаться равнодушным к опасности, которая грозила уже его собственным владениям. При этом он вовсе не горел желанием выступить на стороне враждебной ему Аквитании и согласился на это лишь после того, как Эд подписал договор, в котором признал свое безоговорочное подчинение франкам.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Сарацины – в переводе это «восточные люди». Первоначально так называли племя разбойников, живших вдоль границ нынешней Сирии. А вот со времен крестовых походов европейские авторы стали называть сарацинами всех мусульман, часто используя в качестве синонима термин «мавры».

В результате, Карл собрал большое войско, в состав которого вошли, кроме франков, и другие племена: алеманы, баварцы, саксы и др.

Этот храбрый и искусный полководец понимал, что нужно положить конец нападениям арабов и остановить их успехи в Европе, где до этого между отдельными правителями царили такие раздоры, что нельзя было и думать о том, чтобы предпринять что-то общими силами.

Минута была самая решительная. Фактически, на равнинах Пуатье должна была решиться судьба всей Европы.

* * *

Шесть дней оба войска стояли неподвижно друг против друга, не решаясь вступить в битву.

Наконец, 10 октября 732 года Абд ар-Рахман, став во главе своей конницы, подал сигнал к атаке.

Бой был ужасный, и в его начале войска сарацин имели двойной перевес в численности. Однако до четвертого часа пополудни массы арабской конницы так и не смогли прорвать ряды франков, неподвижно стоявших на месте.

С приближением вечера один отряд франкской кавалерии проник в неприятельский лагерь, зайдя сарацинам в тыл. Заметив это, мусульманская конница бросилась защищать лагерь – точнее, добычу, которая была там сложена. На основном же участке боевых действий между мусульманами произошло замешательство. Франки воспользовались этим, двинулись вперед и победили.

Карл в этом сражении дрался в самой гуще своих солдат, и он получил за это прозвище «Мартель» – от «martel de fer» (мартель де фер), боевой топор, своего любимого оружия, представлявшего собой насаженный на рукоять молот с тупой одной стороной и с острым наконечником на другой.

Вали Абд ар-Рахман пал в этой кровавой битве. А на следующий день, на рассвете, франки вновь построились для битвы, но вскоре поняли, что сарацины ночью оставили свой лагерь, бросив все награбленное богатство. Этим они признали свое полное поражение.

* * *

Итак, Европа была спасена. И достойный сын ее, Карл Мартель, дал тому, что теперь называется Францией, невиданную силу и славу. Более того, без этого человека, которого многие историки называют орудием Провидения, возможно, вся Европа пала бы под натиском неверных.

Карл Мартель под Пуатье отразил угрозу христианству. Его победа рассеяла суеверный страх, который внушали арабские завоеватели европейским народам. Много лет спустя писатель Фаддей Булгарин, описывая его подвиги, совершенно справедливо назвал его «героем Запада».

* * *

На следующий год Карл Мартель подчинил себе Бургундию, и его единодушно признали фактическим правителем всей Галлии.

Через три года сарацины совершили новое вторжение со стороны Септимании. Они легко овладели Арлем, отворившим им ворота, и Авиньоном, захваченным врасплох.

В 737 году Карл Мартель вновь вынужден был явиться в Южную Францию, где он одержал несколько побед, отбил Авиньон, но не смог захватить Нарбонн (главную базу сарацин). Впрочем, хоть сам город покорить и не удалось, но подошедшую ему на помощь мусульманскую армию Карл после тяжелейшего сражения все же разбил.

* * *

Когда в 737 году умер законный король франков Теодорих IV, Карл Мартель не назначил ему преемника и стал править сам, не беря себе, Впрочем, королевского титула. «Вице-король» или «почти король», именно так называл его папа Григорий III, когда в 739 году умолял его выступить с армией против лангобардов, угрожавших Святой Церкви. Но Карл тогда ответил отказом.

Он управлял тем, что теперь называется Францией, мудро, крепко и справедливо, увеличивая славу, приобретенную им на полях сражений, и покровительствуя распространению христианства среди племен язычников. Не беря не принадлежавшей ему по закону короны в то время, когда он мог легко получить ее, он явил себя истинно великим человеком.

В 739–741 гг. Карл Мартель овладел Провансом. Но уже в то время он чувствовал в себе начало болезни, которая и свела его в могилу, так что покорение этой территории стало его последним завоеванием.

* * *

Карл Мартель умер 22 октября 741 года и был похоронен в Париже, в церкви аббатства Сен-Дени.

От законной супруги Ротруды у него было два сына. Согласно завещанию, старший из них, Карломан, получил Австразию, Швабию и Тюрингию, а младший, Пипин Кроткий, – большую часть Нейстрии, Бургундию и Прованс. Плюс контроль над Аквитанией.

Карл Мартель укрепил военную мощь Франкского королевства. Однако он стоял только на пороге истинного величия государства франков. А наивысшего могущества достиг

его внук Карл I Великий (старший сын Пипина Кроткого), ставший императором Священной Римской империи.

Напомню, первый король франков Хлодвиг происходил из рода легендарного вождя Меровея, а посему первая династия франкских королей называлась династией Меровингов. А вот Карл Великий, король франков, ставший, по сути, императором Запада и умерший в 814 году, оказался человеком, по имени которого королевская династия получила такое название – Каролинги.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Итак, Карл Мартель остановил ислам в его поступательном движении, положил конец арабской экспансии на территории нынешней Франции и тем самым фактически спас всю Западную Европу. С тех пор прошло много-много лет, и имя Карла Мартеля уже давно стало нарицательным. Его именем названы улицы и площади в Нанси, Туре, Ниме, Пуатье, Брюсселе, Люксембурге и других городах. В 1891 году был спущен на воду мощный броненосец французского флота «Шарль Мартель». А в 1973 году во Франции даже была создана антиарабская боевая «Группа Шарль-Мартель», которая, демонстрируя свой протест, начала нападать на выходцев из Алжира и других бывших французских колоний. Всего члены этой группы совершили несколько десятков террористических актов, в которых погибли и были ранены десятки человек. Как видим, в 732 году Карл Мартель победил, но начавшаяся тогда война продолжается...

Карл Великий завоевал Лангобардское королевство, оттеснил мавров (арабов-мусульман) от Пиренеев на юг до реки Эбро, подчинил себе Баварию, разгромил саксов и кочевников-аваров, обратил варваров в христианство. Можно с уверенностью сказать, что государство Карла создавалось политикой войны и укреплялось политикой мира.

При его внуках империя Карла распалась на три королевства, которые стали прообразами нынешней Франции, Германии и Италии.

* * *

Классическое Средневековье (середина XI века – конец XIV века) отличалось тем, что завершился процесс формирования феодальных отношений, и все структуры феодального общества достигли наиболее полного расцвета.

Были созданы централизованные государства с централизованным управлением. Крупные феодалы стали зависеть от короля, но при этом начали возникать первые парламенты, ограничивавшие власть короля. Раньше всего такой парламент (Кортесы) появился в Испании. Точнее, не в Испании, ибо такой страны тогда еще не было, а в Кастилии – в 1137 году. В 1265 году парламент сформировался в Англии.

Безусловно, вначале парламенты были ограничены в своих решениях, но зато важнейшим вопросом, который рассматривали парламентарии, быстро стали налоги.

Черное и белое, без середины – такова была действительность для средневековых людей.

Жак Ле Гофф французский историк

Парламенты оказались не единственным политическим новшеством классического Средневековья. Еще одной важной новой составляющей общественной жизни стали политические партии, которые сразу же начали жестко противостоять друг другу.

Ну и, конечно, начались крестовые походы, то есть серия религиозных военных походов рыцарей из Западной Европы против мусульман.

Другая правда о крестовых походах

Термин «крестовый поход» у большинства людей ассоциируется со средневековыми экспедициями армий западноевропейских рыцарей на Восток с целью «освобождения Гроба Господня от неверных». На первый взгляд, все просто: с одной стороны – христиане, с другой – мусульмане. Но это очень упрощенная схема тогдашнего религиозного противостояния.

На самом деле, ситуация была далеко не столь однозначной.

Впервые призвал к крестовым походам против неверных с целью освобождения Святой Земли (так христиане называли Палестину) римский папа Урбэн II. Произошло это в 1095 году. На призыв охотно откликнулись десятки тысяч европейцев, взявшихся за оружие кто по религиозным соображениям, кто ради получения богатой добычи, а кто и просто «за компанию» с предыдущими.

КСТАТИ

Название «крестоносцы» появилось потому, что участники крестовых походов нашивали себе на одежду большие кресты. Считалось, что крестоносцы обязательно получают отпущение грехов, поэтому в походы отправлялись не только профессиональные рыцари, но и простые люди и даже дети. Крестоносцы хотели завоевать Палестину – небольшую область, которая прежде составляла царство Иудейское, и в которой родился и умер Иисус Христос. Их нападения были направлены на завоевание главного города этой области – Иерусалима. А Палестина находилась тогда во власти поклонников Магомета. И многие годы в Европе это считалось осквернением этой Земли, ибо всем казалось, что Земля, носящая название Святой, должна пребывать во владении христиан.

Всего крестовых походов, предпринятых в период с 1095 по 1270 гг., было восемь. Основными вехами первых крестовых походов стали взятие и разграбление крестоносцами Иерусалима в 1099 году (по данным летописных источников, в городе за два дня были зверски вырезаны около 40 тысяч мусульман), а также создание на Ближнем Востоке нескольких государств и рыцарских орденов, призванных их защищать.

Конец успехам крестоносцев был положен в 1187 году, когда Иерусалим был отбит войсками Салахад-Дина (Саладина), объявившего «джихад» (священную войну) завоевателям и установившего контроль практически над всей Святой Землей. Об этом человеке я расскажу ниже, а пока же замечу, что события на Святой Земле не принесли большой славы крестоносцам. Они хотя и заняли Иерусалим во время шестого крестового похода в 1229 году, но уже через пятнадцать лет вновь его потеряли. Седьмой и восьмой походы вообще были провальными. Окончательно военные действия европейцев на Ближнем Востоке прекратились после того, как мусульмане в 1291 году взяли Акру – последний оплот крестоносцев на Святой Земле.

Как видим, закрепиться в восточных странах европейцам так и не удалось. Крестовые походы не достигли официально поставленных целей и, начатые при всеобщем воодушевлении, завершились полным провалом и разочарованием.

* * *

То, что крестоносцы своими действиями вызывали чувство ненависти у мусульман, вполне естественно: с ними они шли воевать, каждый считал свое дело правым, и это было их вполне естественной реакцией. Но то, что «воины Христовы» ухитрились восстановить против себя и местных христиан, испокон веков проживавших на Востоке, на первый взгляд, кажется удивительным.

Уже во время первого крестового похода, идя через Балканы, крестоносцы начали грабить византийские (христианские) поселения. В результате, во многих местах между византийцами и вооруженными ордами с Запада стали разыгрываться настоящие сражения. После такого поворота событий добравшимся до Константинополя трудно было стать желанными гостями византийского императора Алексея I Комнена. Франков (так византийцы именовали пришедших с Запада крестоносцев), показавших себя бесцеремонными невеждами, временно поселили вне городской черты, накормили, чем попало, и спешно перевезли через Босфор в Малую Азию.

Но это еще были, как говорится, цветочки, ягодки ожидалась впереди – во время четвертого крестового похода. На сей раз крестоносцы задумали отправиться на Святую Землю морским путем. Для этого они решили нанять корабли у Венеции, но ее правитель Великий дож Дандоло потребовал за перевозку войск огромные деньги, которых у крестоносцев не оказалось. Тогда Дандоло предложил им «отработать» эту сумму огнем и мечом, нанеся удар по Константинополю, с которым венецианцы давно и безуспешно вели ожесточенную борьбу за первенство в морской торговле с восточными странами.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Константинополь – это город, основанный императором Константином Великим. Он стал Новым Римом (Вторым Римом) – новой столицей великой Римской империи. Константинополь – это первый город в мире, изначально строившийся христианским императором. Боле того, это первый в истории город, который был задуман и построен именно как христианский.

«Борцы против неверных» не заставили себя долго уговаривать. 13 апреля 1204 года они взяли штурмом Константинополь и грабили его в течение трех дней, уничтожая величайшие культурные ценности и древнейшие христианские реликвии.

Вскоре на месте Византийской была создана Латинская империя, на трон которой был посажен граф Бодуэн Фландрский. Венецианцы же завладели константинопольской гаванью и добились торговой монополии в пределах Латинской империи и на островах Эгейского моря. Тем самым, при помощи крестоносцев-наемников они надолго решили все свои проблемы. Сами же крестоносцы так устали от грабежей своих братьев по религии, что забыли о своих первоначальных целях и решили вообще не ходить в Палестину.

На первый взгляд, такой поворот событий удивителен и вызывает чувство содрогания. Ничего себе, «борьба с неверными»... Но, на самом деле, все это лишь подтверждает тезис о том, что начавшиеся в XI веке крестовые походы были типичными военно-идеологическими мероприятиями, обеспечивавшими борьбу за власть внутри прежде единой христианской религии.

Как известно, окончательный раскол христианства на католический Запад во главе с римскими папами и православный Восток во главе с константинопольскими патриархами был оформлен именно к XI веку. При этом в Византийской империи и во всех подчиненных ей провинциях христианство существовало в качестве официальной государственной рели-

гии. Более того, к началу XII века Византия оставалась самой мощной во всех отношениях империей той эпохи.

Самоуверенные византийцы считали западных христиан варварами (и оснований для этого у них было более чем достаточно), не замечали различных течений в исламской религии, не разделяли арабов и турок. При этом большинство восточных христиан рассматривалось Константинополем в качестве еретиков, на которых столица, начиная с IV века, оказывала тяжелое и порой кровавое давление.

Этому-то расцвету надменной Византии Запад и ответил волной крестовых походов, реальная цель которых состояла не в объявленной войне с неверными, а в перехвате власти у более удачливого конкурента.

А что же пресловутая идея «освобождения Гроба Господня»? Она была выдвинута Римом для идеологического обоснования военного вторжения на Восток. При этом, объявляя войну «неверным», Запад фактически провозглашал таковыми своих восточных собратьев по вере.

Причины раскола христианства, помимо обострившихся культурных и языковых различий между Востоком и Западом, состояли в соперничестве двух столиц, восточной и западной, и, соответственно, двух церквей, олицетворяемых этими столицами. Не последнюю роль сыграли также и непонятные для непосвященных различия в богослужебной практике, а также споры по поводу формулировок символов веры.

Но захват Константинополя в 1204 году и создание Латинской империи стали лишь временным триумфом Запада. Византия возродилась в 1261 году, однако она так и не смогла до конца оправиться от тяжелейшего удара, нанесенного ей крестоносцами. Ничто уже не могло предотвратить окончательного падения Константинополя в середине XV века, после которого турки-османы, захватив Балканы, надолго заняли свое место на европейской политической сцене.

* * *

Папа Урбэн II в 1095 году в числе прочего призвал крестоносцев «освободить христиан Востока». Но христиане Востока, привыкшие жить в условиях мусульманского владычества, не просили о подобной помощи.

На мусульманском Востоке существовало несколько направлений христианской религии: мелкиты (сторонники греческой православной церкви), монофиситы (ассирийская православная церковь), марониты, несторианцы и т. д. Мелкиты имели три патриархии – Антиохийскую, Иерусалимскую и Александрийскую; монофиситы концентрировались в районе Дамаска и Антиохии, в Палестине, а также в Верхней Месопотамии; марониты – в горах Ливана. Христианами (монофиситами) были копты, жившие в Египте, а главное – армяне, расселившиеся по всей Малой Азии и основавшие свое царство на средиземноморском побережье.

Различные течения христианства на Востоке имели одну общую черту: все они не признавали главенства Римского папы, а также (за исключением мелкитов) находились в оппозиции к греческой православной церкви.

Все представители христианской религии с точки зрения мусульманских законов имели статус «дхимма» (dhimma), то есть пользовались защитой мусульман, имели свободу вероисповедания и свободу собраний, могли спокойно заниматься хозяйством и торговлей. При этом они должны были уважать мусульманские законы и мусульман (например, они не имели права строить дома выше, чем дома соседей-мусульман), а также платить определенную подать.

Многие западные историки сходятся на том, что до начала крестовых походов мусульмане на Ближнем Востоке проявляли в отношении христиан достойную уважения терпимость. Более того, даже после завоевания Малой Азии агрессивными турками-сельджуками множество греков и армян сохранили свою веру и свой язык. По отношению к своим христианским подданным сельджукские султаны проявили известную терпимость, соблюдая нормы «дхимма».

На территории Египта до конца X века также проводилась политика веротерпимости в отношении местных христиан, которая была нарушена лишь фатимидским халифом Аль-Хакимом, начавшим преследования по религиозному принципу.

Относительно взаимоотношений мусульман и христиан в Египте в конце XI – начале XII веков можно привести такой факт: в 1073 году гражданская и военная власть в Египте на шестьдесят с лишним лет перешла к династии визирей армянского происхождения. Их соотечественники-христиане тут же стали стекаться под их знамена, составив, в частности, один из самых боеспособных отрядов египетской армии.

До начала Первого крестового похода христианские сообщества численно превосходили мусульманские во многих деревнях Палестины и Сирии, в Антиохии, в долине Евфрата, а также в Верхнем Египте. Конечно же, все они (за исключением армян) были в значительной степени арабизированы. Мелкиты, например, даже использовали арабский в качестве литургического языка. При этом мусульмане уважали христиан за их профессиональные знания (множество врачей, например, были христианами), вместе с ними отмечали христианские праздники, посещали христианские монастыри. Известно, например, что один из султанов посещал христианский монастырь Непорочной Девы на севере Дамаска для лечения зрения.

Самое парадоксальное состоит в том, что взаимодействие между христианской и мусульманской традициями на Ближнем Востоке не прерывалось даже в период наибольшего противостояния, то есть во времена крестовых походов. В арабских источниках всегда строго разделялись местные христиане, которых называли «насрани» (nasrani), и христиане, пришедшие с Запада, которых называли «ифранж» (ifranj), то есть франками, и против которых был объявлен «джихад» (священная война).

* * *

Приход крестоносцев способствовал серьезному перевороту в политической и религиозной ситуации на Ближнем Востоке. С созданием латинских государств, пришедшие с Запада установили свою власть над местными христианами, в основном мелкитами, в равной степени, как и над мусульманами. После взятия Антиохии и Иерусалима мелкитские патриархи были смещены и заменены европейскими прелатами (так называли лиц, занимающих высокие должности в структурах Римской католической церкви), многие святые места были разграблены. Это, естественно, вызвало недовольство и восстановило мелкитов против крестоносцев. Провалились у крестоносцев и попытки установления союза с армянами в Силисии и Северной Сирии.

Причинами этого стали и огромная пропасть в уровне развития между восточными христианами и крестоносцами, и различия интересов, и высокая степень встроенности восточных христиан в восточную культуру. Кроме того, местным христианам очень не понравился главный тезис их агрессивных «братьев» с Запада, которые заявили о том, что «правильной» религии тех, кто исповедовал христианство еще тогда, когда предки этих самих крестоносцев были обыкновенными язычниками.

Как результат – ни один христианин и не подумал эмигрировать из мусульманской страны в Латинское государство, и это при том, что оно было христианским и находилось

совсем рядом. Из всех восточных христиан лишь ливанские марониты к 1181 году бесповоротно встали под начало римской церкви.

* * *

Самый парадоксальный факт состоит в том, что крестовые походы не только не способствовали усилению христианства, напротив – они привели лишь к ослаблению его позиций во всем рассматриваемом регионе.

Прежде всего, приход крестоносцев коренным образом изменил отношение мусульман к христианам, причем сделал это самым бесповоротным образом. Тот же Саладин, например, приказал местным христианам снять кресты с церквей, заставил их носить отличающие желтые повязки, запретил им садиться на лошадей и мулов и т. д. Многие церкви были переоборудованы в мечети. После разорения городов крестоносцами мусульманские судьи (кади) заставляли местных христиан возмещать убытки и восстанавливать постройки.

В результате, к XIII веку христианские сообщества на Востоке пришли в полный упадок: они потеряли вес в обществе и уже никогда больше не имели такого значения, как раньше. Древнеассирийский летописец Баребраус с ностальгией констатировал, что в X веке его народ «удивительно процветал, а теперь он пал в состояние нищеты».

Вывод тут однозначен: способствовали этому крестовые походы. И это не единственный парадокс военных экспедиций, которые были призваны освободить христиан Востока.

* * *

Совершенно очевидно, что люди, принимавшие обет крестоносца, имели разные побудительные мотивы: одни стремились разбогатеть, других влекла жажда приключений, третьи были движимы исключительно религиозными соображениями. Благодаря красивым легендам, крестовые походы до сих пор окружены романтическим ореолом рыцарского духа и отваги, однако все эти рассказы о великих рыцарях-крестоносцах изобилуют противоречиями и преувеличениями. В действительности, это были рыцари без страха, но отнюдь не без упрека.

И самое нелепое состоит в том, что, несмотря на проявленные крестоносцами доблесть и героизм, а также на посулы римских пап и уверенность в правоте своего дела, христианам так и не удалось освободить Святую Землю. В реальности, крестовые походы привели лишь к тому, что мусульмане стали ее бесспорными властителями.

Рыцарская эпоха: время, когда мужчины питали самые возвышенные чувства к своим лошадям.

Элейн Кендалл американская писательница

Рассматривая крестовые походы в стратегическом смысле, нетрудно убедиться, что преимущество, как в составе войск, так и в способах ведения войны, было по большей части на стороне сарацин.

Подобно всем восточным народам, сарацины искали успеха своего оружия в хитрости и превосходстве в численности. На просторных равнинах Сирии и Палестины они утомляли храбрых, но неповоротливых рыцарей малой войной и упорной обороной многочисленных крепостей. В битвах они беспокоили европейцев частными нападениями наездников и действием метательного оружия, а потом бросали вперед большие массы войск, поддерживая сражение до изнеможения противника и истребляя его ударами резервов. В случае неудачи, сарацинские армии мгновенно рассеивались и скрывались от преследования, спа-

саясь быстротой своих легких коней и прекрасным знанием местности, а потом они снова нападали, когда утомленный победитель располагался на отдых.

Совершенно противоположными были действия крестоносцев. Главная сила их армии в Азии состояла, как и в Европе, в тяжелой, покрытой железом коннице, которая не могла следовать за быстрыми движениями проворных и неутомимых сарацин. Тяжелая кавалерия нередко погибала и без битвы – от зноя и недостатка корма. В сражениях крестоносцы действовали сомкнутым строем, имея впереди рыцарей, за ними стрелков, а потом пехоту. Обычно рыцари врзались в ряды неприятеля и одолевали его в рукопашной схватке, а пехота потом довершала поражение. В действиях оборонительных европейцы окружали себя вагенбургами и противопоставляли неприятелю непреодолимый отпор, прерывавшийся только отважными вылазками рыцарей. Осадное искусство находилось тогда на самом низком уровне, из-за чего осады продолжались нередко по несколько месяцев и даже лет.

Ни для какого другого дела мужчины не объединяются так быстро, как для убийства других мужчин.

Сьюзен Гласпел американская писательница

Саладин: благородный идеолог джихада

По происхождению Салах ад-Дин Юсуф Ибн Айюб, родившийся в 1138 году в Текрите (современный Ирак) и более известный как Саладин, был армянским курдом. Его отец служил военачальником в армии турецкого эмира Зенги, а затем стал придворным у сына Зенги Нур ад-Дина и правителем Дамаска. Таким образом, Саладин получил образование в одном из крупнейших центров исламской науки и смог воспринять лучшие традиции мусульманской культуры.

Нур ад-Дину завоевание Египта, угрожавшего его державе с юга, было необходимо, как воздух, и в 1164 году он отправил туда войско во главе с опытным полководцем Ширку. Саладин находился в этом войске в качестве младшего офицера.

Умело маневрируя, Ширку покорил Египет и стал его наместником, оставаясь при этом в подчинении у Нур ад-Дина. В мае 1169 года Ширку умер, и его место занял Саладин.

В 1174 году скончался Нур ад-Дин, и его бывшие вассалы тут же начали конфликтовать между собой. Не воспользоваться таким стечением обстоятельств было бы неразумно, и Саладин двинул свои войска на север. Вскоре он вступил в Дамаск и захватил три четверти территории Сирии. Своими военными успехами Саладин был обязан, в первую очередь, своей хорошо обученной регулярной армии, состоявшей из турецких рабов мамелюков. В частности, его мобильные отряды конных лучников представляли собой удивительную по тем временам ударную силу.

* * *

Завершив покорение Сирии, Саладин начал военные действия против расположенных на ближневосточных территориях христиан-крестоносцев. Особенно беспокоил Саладина принц Антиохии Рено Шатийонский, который зимой 1182 года предпринял поход на Медину, грабя и уничтожая все на своем пути. Этот поход вызвал возмущение всех мусульман и спровоцировал ответные действия со стороны Саладина. Армия Рено Шатийонского была разбита, но ее предводителю чудом удалось спастись.

В 1185 году Саладин и крестоносцы заключили мир, согласно которому Саладин остался владыкой Египта и Сирии, а крестоносцы продолжили удерживать восточное побе-

режье Средиземного моря, включая Иерусалим, Тир, Бейрут, Триполи, Антиохию и многие другие города. Но этот мир оказался недолгим. Не прошло и двух лет, как все тот же Рено Шатийонский разорвал его, атаковав несколько арабских караванов, шедших из Мекки. Смотреть на это сквозь пальцы было нельзя. Саладин собрал двенадцатитысячную армию и двинулся на франков (так мусульмане называли пришельцев из Западной Европы). При этом он объявил им джихад, что в переводе означает «священная война против неверных».

В июне 1187 года армия Саладина перешла Иордан и осадила крепость Тиверию. Глава Иерусалимского королевства Ги де Лузиньян со своими рыцарями решительно двинулся на Саладина.

Сокрушительное поражение крестоносцам было нанесено в битве возле Хаттина. Многие крестоносцы были убиты или захвачены в плен, в том числе были пленены сам король и личный враг Саладина Рено Шатийонский, который был им незамедлительно обезглавлен. Иерусалимского короля Ги де Лузиньяна Саладин отпустил, взяв с него обещание, что тот не будет больше воевать против него.

После триумфа при Хаттине Саладин захватил Тиверию, Акру, Аскалон и еще несколько городов. На очереди был Тир, но туда очень вовремя прибыл морем Конрад де Монферрат с отрядом крестоносцев, обеспечив таким образом городу надежную защиту. Натиск Саладина, не имевшего сильного флота, был отбит.

20 сентября 1187 года Саладин осадил Иерусалим, и через двенадцать дней вступил в Священный город, который почти сто лет уже пребывал в руках крестоносцев. К удивлению многих благородный Саладин не стал мстить христианам за ужасное побоище, устроенное ими в далеком 1099 году во время первого крестового похода, когда за два дня в Иерусалиме было вырезано несколько десятков тысяч мусульман. Саладин провел ритуал очищения города, проявив поразительное для идеолога джихада великодушие к пленным христианам. Конечно же, не одна голова полетела с плеч, но это касалось только тех, кто был замечен в особых злодеяниях. Простых же горожан Саладин отпустил на все четыре стороны при условии, что они внесут за себя соответствующий выкуп: десять динар за мужчину, пять динар за женщину, два динара за ребенка. При этом за тех, у кого действительно не было денег, Саладин заплатил сам (так было освобождено почти десять тысяч бедняков), те же, кому выкупиться не удалось, были отправлены в Египет на строительство крепостей. Таким образом, вся Палестина оказалась под властью Саладина. В руках христиан остался только Тир, а Триполи и Антиохия были изолированы.

В июне 1189 года оставшаяся армия крестоносцев во главе с Ги де Лузиньяном, нарушившим данное слово, и Конрадом де Монферратом напала на Акру.

* * *

8 июня 1191 года под Акру прибыл английский король Ричард I, более известный как Ричард Львиное Сердце, и все крестоносцы молчаливо признали его лидерство.

Королю Ричарду удалось отогнать армию Саладина, шедшую на выручку осажденным, после чего 12 июля гарнизон Акры капитулировал. Ричард Львиное Сердце закрепил свой успех маршем по побережью на Аскалон и победой, одержанной 14 сентября при Арсуфе. В этом сражении войска Саладина понесли большие потери, и после этого он уже не вступал с Ричардом в бои в открытом поле.

Всю зиму 1191–1192 гг. Ричард постоянно преследовал Саладина, который, отступая, применял тактику выжженной земли, то есть уничтожал посевы и отравлял колодцы. Нехватка питьевой воды и фуража губительна для армии, и король Ричард вскоре понял, что, преследуя Саладина, он рискует погубить свое войско. В таких условиях ни о каком штурме

Иерусалима не могло быть и речи. Начались долгие переговоры о мире, и они показали, кто оказался настоящим хозяином положения.

Мирный договор, заключенный 2 сентября, стал триумфом Саладина. От Иерусалимского королевства остались только небольшая береговая линия и свободный путь на Иерусалим, по которому христианские паломники без проблем могли добираться до Святых мест. Король Ричард вернулся в Европу, а Саладин – в Дамаск, где он и скончался после непродолжительной болезни 4 марта 1193 года.

* * *

Саладин был удивительно смелым и хладнокровным человеком. Не раз он бросался на численного превосходящего противника и опрокидывал его, не раз лично ходил в разведку, рискуя быть захваченным в плен и прекрасно понимая, что его при этом ждет. В бою он, как молния, летал с левого фланга на правый в сопровождении лишь одного слуги, личным примером вдохновляя своих воинов.

Саладин прославился как среди мусульман, так и среди христиан как истинный рыцарь. Будучи типичным мусульманином, решительным и суровым по отношению к неверным, он, однако, проявлял милосердие к христианам, с которыми непосредственно имел дело, всегда оценивая степень виновности или невинности каждого конкретного человека. Провозгласив джихад и став его последовательным идеологом, Саладин при этом проявлял великодушие по отношению к такому достойному противнику, как Ричард Львиное Сердце, а также по отношению к пленным, не запятнавшим себя кровавыми преступлениями.

Саладин вошел в историю как выдающийся стратег, однако он признавал превосходство короля Ричарда в тактике боевых построений. Кроме того, его войско состояло в основном из рабов и блестяще показывало себя, лишь ведомое им лично. «Мое войско ни на что не годно, – признавался Саладин, – если я не поведу его за собой и не буду каждый миг присматривать за ним».

Доминирующей характеристикой Саладина было благородство. Его любимыми словами считались слова Пророка: «Когда благородный человек оступается, Бог протягивает ему руку».

Саладин был необыкновенно добр, он любил детей и был истинно великодушен по отношению к женщинам и всем слабым. Несмотря на его безграничную власть и возможности, когда Саладин умер, в его личной сокровищнице было найдено лишь сорок семь серебряных драхм и всего один золотой слиток. Оказалось, что он все отдавал людям, все пускал на нужды своего государства.

Источник успехов Саладина заключался в силе его личности. Он один смог объединить исламские страны для борьбы с завоевателями-крестоносцами. После же его смерти империя распалась, как карточный домик, будучи поделенной между его родственниками, ни один из которых не мог сравниться с ним по силе духа и увлеченности священной целью.

В истории Востока Саладин остался великим политиком и полководцем, остановившим вторжение крестоносцев с Запада, объединившим силы ислама и воплотившим в своей личности все высшие идеалы этой религии. Даже само его имя Салах ад-Дин является в этом отношении символическим, ибо переводится как «Достоинство Веры».

Трагедия сегодняшнего мира заключается в том, что сейчас, спустя 900 лет после того, как закончились крестовые походы, мы и мусульмане все еще очень плохо понимаем друг друга.

Ридли Скотт британский кинорежиссер

Крестовые походы не были войнами в том смысле, какой это слово имеет обыкновенно. Скорее, это были походы охотников, уверенных в том, что посещение Святой Земли, особенно нахождение в Иерусалиме и в тех местах, где бывал Иисус Христос, является чем-то спасительным, составляющим заслугу, ибо по тогдашнему убеждению некоторые грехи не могли быть очищены иначе, как только такого рода странствием.

По сути, крестовые походы дали результаты только отрицательные. Они ослабили уважение и влияние папского престола. Даже, можно сказать, они почти уничтожили это, тогда как по первоначальному назначению должны были их возвысить и утвердить.

А вот самой настоящей войной, самым продолжительным военным конфликтом Средневековья, стала так называемая Столетняя война.

Столетняя война? Вот когда люди никуда не спешили.

Аркадий Давидович писатель и афорист.

Сколько лет велась столетняя война?

Для того чтобы понять это, прежде всего необходимо разобраться с вопросом о том, что такое Столетняя война.

Начну с того, что так называемая Столетняя война длилась не сто лет, а сто шестнадцать. Просто, «шестнадцатилетняя» – звучит не так красиво.

Считается, что Столетняя война между Англией и Францией длилась с 1337 года по 1453 год. Собственно, это была даже не война, а серия войн, которые то разгорались, то утихали, то вновь разгорались с новой силой.

Началась эта война с тривиального династического конфликта: король Англии Эдуард III из рода Плантагенетов, внук по материнской линии короля Франции Филиппа IV Красивого, выдвинул свои претензии на французский престол, оспаривая законность правления короля Франции Филиппа VI, племянника Филиппа IV Красивого по мужской линии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.